

Институт славяноведения РАН

РОССИЙСКАЯ БОГЕМИСТИКА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Материалы круглого стола в честь 100-летия со дня рождения

Сергея Васильевича

НИКОЛЬСКОГО

(29 марта 2022 г.)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Москва 2022

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РОССИЙСКАЯ БОГЕМИСТИКА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Материалы круглого стола в честь 100-летия со дня рождения

Сергея Васильевича

Никольского

(29 марта 2022 г.)

Москва 2022

УДК 82.09

ББК 83.3(4Чех)

P76

Ред. коллегия:

Амелина А.В.

Герчикова И.А.

Пескова А.Ю. (Ответственный редактор)

Российская богемистика вчера и сегодня. Материалы круглого стола в честь 100-летия со дня рождения Сергея Васильевича Никольского (29 марта 2022 г.) / Отв. редактор А.Ю. Пескова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – 128 с.

Сборник представляет собой материалы круглого стола, проведенного в Институте славяноведения РАН с участием российских и зарубежных славистов в честь 100-летнего юбилея одного из крупнейших отечественных богемистов Сергея Васильевича Никольского (1922–2015). Книга включает в себя как статьи мемуарного характера, так и научные работы о чешской, словацкой и русской литературе, в том числе являющиеся продолжением научных исследований самого С.В. Никольского. Практически каждая из представленных статей содержит теплые воспоминания о совместной работе с этим выдающимся ученым и напоминает о том огромном вкладе, который он внес в российскую гуманитарную науку и в развитие русско-чешских отношений.

ISBN 978-5-7576-0479-4

DOI: 10.31168/7576-0479-4

© Институт славяноведения РАН, 2022

© Коллектив авторов, текст, 2022

Содержание

Герчикова И.А.

С.В. Никольский. Страницы жизни7

Серапионова Е.П.

Мои воспоминания о Сергее Васильевиче Никольском 14

Калиганов И.И.

Листая «Книгу Памяти»: страничка о профессоре
С.В. Никольском.....20

Смольянинова М.Г.

Романтизм С.В. Никольского.....29

Чепелевская Т.И.

Воспоминания об Учителе.....33

Блюмлова Д.

С.В. Никольский в моей памяти38

Задорожнюк Э.Г.

Труды С.В. Никольского о Я. Гашеке и особенности чешской
ментальности.....46

Поспишил И.

Несколько замечаний о русском богемисте Сергее
Никольском56

Ковтун Е.Н.

Научные труды С.В. Никольского и современное отечественное
фантастоведение63

Маслова К.К.

Некоторые аспекты общности и различия позиций и художественных приемов в научно-фантастических драмах К. Чапека и А.Н. Толстого. По стопам С.В. Никольского71

Мельников Г.П.

«Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан как литературный памятник80

Амелина А.В.

Русская литература в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (журнал «Маяк»)89

Широкова Л.Ф.

Словацкий рассказ 1960–1970-х гг. (взгляд из 2000-х)97

Яблоков Е.А.

Никольский дискурс в творчестве М.А. Булгакова: сочетание монархического и мифологического105

Билек Я.

Рецепция научного наследия С.В. Никольского115

С.В. Никольский. Страницы жизни

27-го февраля 2022 г. Сергею Васильевичу Никольскому исполнилось бы 100 лет. Для славистики российской, да и не только российской, это большая дата. Предыдущие юбилеи нашего выдающегося коллеги Институт славяноведения РАН, в котором он проработал более шестидесяти лет, всегда отмечал изданием коллективных трудов: к 80-летию Сергея Васильевича был выпущен сборник «Фантастика и сатира в литературе славянских народов» (М., 2004), к 90-летию – сборник «С.В. Никольский и современная славистика» (М., 2013). Имя его известно всем, кто занимается славянскими литературами, а для сотрудников Института, работавших с ним бок о бок многие годы, всегда было большой честью отметить вместе с ним его день рождения в стенах любимого Инслава. Но столетие Сергея Васильевича мы уже отмечаем без него. В 2012 г. он ушел на заслуженный отдых, а 4-го июня 2015 г. его не стало. Столетний юбилей высветил истинный масштаб его личности и место в современной славистике. Его авторитет и научная репутация непререкаемы. Заслуги Никольского перед наукой несомненны, и его вклад в отечественную богемистику и в целом в литературоведение был оценен по достоинству. Но возможно, нам еще только предстоит полностью осмыслить этот вклад и сам феномен Никольского, ученого, воплотившего в себе лучшие черты классической традиции.

Известно, что С.В. Никольский окончил русское отделение филологического факультета МГУ в 1945 г., и он наверняка стал бы замечательным специалистом по русской литературе, но сложилось так, что с открытием Института славяноведения АН СССР в 1947 г. советской науке потребовались новые кадры, а именно специалисты по отдельным зарубежным славянским литературам. И литературе чешской повезло: Сергей Васильевич еще в детстве увлекался ею, читая в пионерлагере, по его воспоминаниям, «Похождения бравого солдата Швейка». Лучший перевод этого гашековского шедевра принадлежит П.Г. Богатыреву, который и стал тогда научным руководителем Никольского. В 1949 г. Никольский защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Ф.Л. Челаковского и связях с русским фольклором, а в 1971 г. – докторскую, посвященную К. Чапеку.

Слова благодарности Никольскому часто звучали еще при его жизни, и они продолжают звучать по сей день от всех тех, кто считает себя учениками Сергея Васильевича. Это не только его бывшие аспиранты и студенты, но и те, кто работал с ним. Ссылки на его труды часто присутствуют в докладах и исследованиях о межвоенной чешской литературе, о фантастике, сатире, о драматургии и публицистике. И сегодня мы вспоминаем Никольского не только как замечательного ученого, но и как Человека. Отзывчивость, мягкость, неизменная готовность помочь, посоветовать, доброта Сергея Васильевича всегда согревали нас и защищали. Он любил людей, поощрял молодых, только начинающих исследователей.

Особо надо упомянуть и о его неподражаемом чувстве юмора, которое как будто бы передалось ему от долгого и очень близкого общения с корифеями. Чапек считал, что «юмор – это всегда немножко защита от судьбы». Чтобы взглянуть на события как бы со стороны и уловить их смешную сторону, надо обладать большой твердостью духа, и развитое чувство юмора бывает лишь у душевно стойких, сильных людей, каковым, без сомнения, являлся Никольский. Пользуясь своим потрясающим даром рассказчика, он как будто продолжал дело бравого солдата Швейка. Эрудиция и мудрость Чапека, неиссякаемый юмор Гашека стали частью человеческой природы Сергея Васильевича, воплотившего в себе лучшие черты своих «героев» и давшего возможность всем коллегам и друзьям наслаждаться этим. Несмотря на свой почтенный возраст, Сергей Васильевич до последней минуты был молод душой.

Назвав эти заметки «Страницы жизни», мы тем самым отсылаем к книге Никольского «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова». В 2009 г. вышло ее 2-е исправленное и дополненное издание, и один экземпляр ее Сергей Васильевич подарил автору этих воспоминаний с надписью: «Дорогой Ирине Александровне с благодарностью за помощь в издании этой книги, с поздравлениями по поводу дня рождения и с пожеланиями всего самого светлого в жизни. 30 марта 2010 г.». Сергей Васильевич сам был очень светлым человеком, интеллигентнейшим и добрейшим. Свою книгу он посвятил «светлой памяти отца – Никольского Василия Сергеевича». И нам хотелось бы рассказать о

тех, кто был рядом с Сергеем Васильевичем и сыграл большую роль в его жизни.

В первую очередь, это его отец, о котором стало официально известно лишь в начале 2000-х гг. Именно отец оказал на Сергея Васильевича большое влияние, а его подвижнический путь служил примером для сына. В августе 2000 г. Василий Никольский был канонизирован Архиерейским собором Русской православной церкви и признан священномучеником. Родился он 10 февраля 1898 г. в селе Савцыне Кашинского уезда в семье псаломщика. В 1915 г. окончил Кашинское духовное училище и поступил в открывшуюся духовную семинарию. Окончить ее не удалось, так как после октября 1917 г. семинарию закрыли. Он продолжил учебу в светской школе второй ступени. В 1921 г. женился на Варваре Федоровне Рассудовской, дочери священника села Быково Кимрского уезда. Супруги начали работать учителями в начальной школе села Давыдово, у них родились дети: Сергей и Борис. В 1924 г. Василий Никольский стал священником-настоятелем села Бакланово, а затем села Высокое Кашинского уезда. С 1928 г. он служил в храме села Быково после ухода с поста тестя Феодора Рассудовского. В 1931 г. Быковский Сретенский храм был закрыт, и Василий с семьей перебрался в небольшой домик в Быково. Чтобы прокормить семью он вынужден был трудиться на лесосплаве в селе Медведицкое Кимрского района, шерстобитом в валяльной мастерской в соседней деревне. В 1933 г. Василий Никольский был по доносу обвинен в антисоветской

агитации и осужден на 3 года. Срок отбывал в Свирских лагерях, вернулся домой в 1936 г. А в 1937 г. в селе Поречье был вновь арестован, повторно по доносу обвинен в антисоветской агитации и по приговору тройки НКВД по Калининской области 3-го ноября 1937 г. расстрелян. Василий Никольский был реабилитирован 16 марта 1989 г. (все эти сведения собрал Владимир Иванович Коркунов – автор книги «Новомученики Кимрской земли», 2006).

Именно в день смерти отца, 3-го ноября, только уже 1956 г., Сергей Васильевич сочетался браком с Раисой Лаврентьевной Филипчиковой. Тогда он не подозревал о том, какая дата была выбрана для их бракосочетания. Но это оказалось очень символичным...

У Сергея Васильевича и Раисы Лаврентьевны вырос прекрасный сын Александр Сергеевич, двое внуков – Сергей и Кирилл, есть и правнуки. Сын и старший внук пошли по технической стезе, а вот Кирилл – историк. Окончил бакалавриат и в 2018 г. магистратуру исторического факультета МГУ по кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки. С 2017 г. работает методистом в Государственном историческом музее. Коллега Никольского по Институту Л.Н. Будагова еще в начале 2000-х гг. писала, что Кирилл был большой любитель чтения и в семилетнем возрасте серьезно озаботился судьбой библиотеки Ивана Грозного. Внук Сергея Васильевича выступает с лекциями, а среди любимых книг называет «Похождения бравого солдата Швейка», да и «ник» в тех же соцсетях у него «йозеф швейк».

Очень важную роль в жизни Сергея Васильевича сыграла его супруга Раиса Лаврентьевна Филипчикова (род. 19.07.1930). Она всегда была для него настоящим другом и единомышленником, поскольку также посвятила себя изучению чешской литературы. Вспоминая своего супруга, Раиса Лаврентьевна всегда с безмерной теплотой говорит о нем как о добрейшем и очень чутком человеке, никогда не сказавшем ни о ком ни одного плохого слова. Сама Филипчикова сегодня остается, вероятно, последним представителем того поколения, что стояло у истоков советской богемистики в послевоенные годы. Она изучала чешский язык на образовавшейся в 1943 г. кафедре славянской филологии МГУ и окончила филологический факультет в 1953 г. Затем поступила работать в Институт мировой литературы АН (ИМЛИ), где с 1957 г. из отдела зарубежных литератур, в коллектив которого она вошла, выделился сектор литератур социалистических стран (сейчас это отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени). Здесь в 1963 г. Раиса Лаврентьевна защитила кандидатскую диссертацию «Романы Алоиса Ирасека о крестьянских восстаниях: к вопросу об истоках реализма в чешском историческом романе». Она является автором монографий «Документально-художественный жанр в литературе социалистической Чехословакии» (1986), «Творчество Владислава Ванчур: искусство синтеза и контрапункта» (1999). Ее перу принадлежат практически все статьи о чешских и словацких писателях, а также обзорная статья «Чешский экспрессионизм» в «Энциклопедическом словаре экспрессионизма» (2008).

Кроме того, она автор предисловия и комментариев к публицистической книге Йозефа Рыбака «Иду на красный свет!» (1986) и других произведений чешских авторов.

Роду Никольских суждено продолжаться. Жива и швейковская традиция. А в нашей памяти всегда остается Сергей Васильевич Никольский, сын прекрасных родителей, замечательный отец и ученый, человек, учитель...

Мои воспоминания о Сергее Васильевиче Никольском

За сорок с лишним лет моей работы в Институте славяноведения мы пережили много потерь. Конечно, ни один ученый, писатель, музыкант, композитор, художник, актер не уходит от нас совсем – с нами остаются его работы. Но как важно для тех людей, кто не застал уже ушедших коллег, не успел поработать с ними, узнать не только то, о чем и как они писали, но и какими они были! На кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова сложилась хорошая традиция выпускать сборники воспоминаний об ушедших из жизни коллегам, и эту традицию можно было бы перенять и нашему Институту. Сергей Васильевич Никольский, как никто другой, достоин такой книги.

С.В. Никольский, которому в 2022 г. исполнилось бы 100 лет, принадлежал к тому поколению ученых, которые создавали Институт, являлись его опорой на протяжении многих десятилетий. Это был выдающийся ученый с широким кругом научных интересов. И хотя его работы в основном были посвящены богемистике XIX – первой половины XX вв., творчеству таких чешских писателей, как К. Чапек¹ и Я. Гашек², тем не менее у него есть статьи и о

¹ *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). М., 2009.

² *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке. М., 1997.

послевоенной чешской литературе³. Таким образом, можно сказать, что он был знатоком чешской литературы XIX–XXI вв. Большое внимание он уделял и российско-чешским культурным и литературным связям, проводил параллели между русскими и чешскими писателями. Я не буду заниматься разбором его научного наследия, предоставлю такую возможность его коллегам-литературоведам. Но книги, подаренные мне Сергеем Васильевичем, я внимательно прочла и бережно храню. Не секрет, что есть специалисты, которые лучше выступают устно, а есть те, кто лучше пишет. Сергей Васильевич одновременно был замечательным рассказчиком и блестяще владел пером. Будучи весьма эрудированным человеком, он прекрасно разбирался не только в литературе, но и в истории, с ним всегда было интересно беседовать. Нельзя не упомянуть и о его редакторской работе, причем не только в Институте славяноведения. Назову лишь одну работу, весьма важную и интересную в том числе для историков – антологию воспоминаний и впечатлений о Праге русских писателей, поэтов, журналистов, подготовленную во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы⁴. Сергей Васильевич был научным

³ *Никольский С.В.* Чешская художественная литература в России после Второй мировой войны // *Славянский мир в глазах России.* М., 2011.

⁴ Прага. Русский взгляд. Век восемнадцатый – век двадцать первый. М., 2003.

редактором этой книги и автором вступительной статьи. Это правда, что талантливый человек бывает талантлив во многом. Никольский осуществлял большую авторскую, редакторскую работу, но не только. Являясь признанным лидером и прекрасным организатором, Сергей Васильевич более тридцати лет возглавлял сектор славянских литератур Института славяноведения.

Честно говоря, не помню, как мы познакомились. Но очень скоро он вовлек меня в работу созданного им при Чешском культурном центре в Москве Общества братьев Чапеков. Мы смеялись, что все мы, члены Общества, – сестры и братья Чапеки. Никольский был не только крупным ученым, но и хорошим дипломатом, именно он поддерживал связи Института с посольством Чехословакии, а затем и Чешской Республики в Москве. Его имя было хорошо известно в Чехии и Словакии, там он пользовался заслуженным авторитетом у коллег. Заседания Общества проходили регулярно, раз в месяц. Причем Сергей Васильевич добровольно возложил на себя эту чисто общественную нагрузку, не получая никаких личных выгод, работал на голом энтузиазме. Просто он был очень увлечен страной изучения и стремился передать эту страсть другим богемистам, специалистам по истории и культуре Чехии. Он сам составлял программу заседаний Общества, договаривался с докладчиками, даже сам обзванивал всех, собирая на наши «посиделки». Признаюсь, что иногда идти не хотелось, так как мы всегда страдаем от недостатка времени, надо что-то срочно

дописать, да и домашние дела никто за нас не переделает. Но при всей загруженности, из уважения к Сергею Васильевичу, я шла, чтобы не подвести его, зная, что он старался и готовил заседание. Программа была весьма разнообразна, включала сюжеты из истории, культуры, литературы Чехии. Часто после заседаний мы оставались на просмотр чешских фильмов. Обладая солидной базой знаний, Сергей Васильевич вел большую просветительскую и популяризаторскую работу, публикуясь в научно-популярном журнале «Меценат и мир»⁵.

Сергей Васильевич имел широкие связи, он умел привлекать и объединять людей. На наши мероприятия приходили научные сотрудники, историки и филологи, работники библиотек, директора и учителя школ, где изучали чешский язык, преподаватели вузов, студенты, аспиранты, специалисты по театральному искусству, переводчики, издатели, искусствоведы, режиссеры, киноведы, сотрудники МИД. Мы знакомились, общались, обсуждали услышанное и увиденное.

С.В. Никольский организовал в Культурном центре Посольства ЧР презентацию моей первой книги о русской эмиграции в ЧСР. Меня всегда подкупала его увлеченность выбираемой темой,

⁵ См., напр.: *Никольский С.В.* О Праге и пражской культуре // Меценат и мир. 2005. № 23-32. С. 441-456; Йозеф Швейк с улицы Боиште // Меценат и мир. 2006. № 33-36. С. 423-441; Уж как пал туман на синее море // Меценат и мир. 2008. № 37-40. Часть 2. С. 579-588.

поразил факт его поездки в уже очень солидном возрасте по следам чехословацких легионеров в Сибирь, где он работал в Иркутском областном архиве и нашел реально существовавших прототипов Швейка. Наверное, это как-то отложилось в подсознании и повлияло на то, что позже я серьезно изучала легионерскую эпопею в России, работала вместе с архивистами над изданием документов и материалов, связанных с чехословацким корпусом⁶. А в 2018 г. с чешскими коллегами также проделала путь от Москвы до Владивостока, но с той разницей, что путешествовали мы как туристы, а Сергей Васильевич ездил трудиться.

Я очень рада, что мне посчастливилось общаться с таким умным, тактичным человеком, обладающим чувством юмора. И я горда тем, что сотрудничала с ним. Конечно, мы не были соавторами в обычном смысле слова, но, можно сказать, совместно участвовали в раскрытии большой темы – «Славянский мир в восприятии России»⁷. Многие коллеги, в том числе и я, с удовольствием откликнулись и на предложение Л.Н. Будаговой, сменившей Сергея Васильевича на посту руководителя отдела, поучаствовать в юбилейном сборнике в честь его 90-летия⁸.

⁶ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1–2. М., 2013; 2018.

⁷ Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М., 2011.

⁸ С.В. Никольский и современная славистика. В честь 90-летия со дня рождения ученого. М., 2013.

У всех нас есть свои симпатии и антипатии, но ни от кого я никогда не слышала не то чтобы плохого слова, но даже малейшего негативного намека в адрес Сергея Васильевича. Его неизменная доброжелательность и искреннее желание помочь коллегам рождали подобную ответную реакцию. Когда нужно представить себе интеллигентного человека во всех смыслах этого слова, то прежде всего вспоминаю Сергея Васильевича Никольского.

Листая «Книгу Памяти»: страничка о профессоре С.В. Никольском

На Круглом столе, посвященном памяти известного исследователя чешской литературы XX в. Сергея Васильевича Никольского, собралось много богемистов и было сделано немало докладов о его научном вкладе в эту область славистики. Мне не приходилось глубоко вникать в проблемы развития чешской литературы, и поэтому хотелось сказать о другом. Речь пойдет о жизни нашего Института и институтских литературоведов в далекие годы, о Сергее Васильевиче как руководителе научного коллектива исследователей литератур западных и южных славян, как научном редакторе и о некоторых его человеческих качествах. Эта «бытовая» сторона истории отечественной славистики обычно остается в тени, хотя она тесно переплетена с другими ее «официальными» сторонами и индивидуальными судьбами практически всех ученых. Поэтому рассказы представителей уходящего поколения об отдельных эпизодах «частной» жизни Института в прошлом важны сами по себе как исторические свидетельства очевидцев. Кроме того, они способны оживить и разбавить изобилие тех общих комплиментов, которые по традиции наполняют юбилейные статьи об ученых и раздаются на Круглых столах в их честь. Важны они и для представителей молодого поколения институтских славистов, хотя пока это ими не осознается: они еще не дожили до того возраста, когда человек отправляется на поиски утраченного времени.

Итак, я хотел бы в начале перенестись на полвека назад, когда в 1971 г. я приехал в Москву из далекого Баку для поступления в очную аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР и направился с необходимыми документами по указанному в вызове адресу: Москва, Трубниковский пер., д. 30а. Не зная, как выглядит здание Института, я пару раз проскочил мимо него, поскольку не мог представить себе, что этот неказистый двухэтажный, больше похожий на деревенский дом в садике за оградой и есть то академическое учреждение, в аспирантуру которого я готовился поступить. У меня были несколько иные представления о внешнем виде академических институтов: современный дизайн – сталь, стекло, бетон либо роскошный дворянский или купеческий особняк с куда более внушительными размерами и изысканной архитектурой. Но при дальнейшем знакомстве с институтским зданием первое неблагоприятное впечатление о нем быстро развеялось. Внутри оно оказалось вполне просторным: там имелись достаточно большой зал заседаний, прекрасно укомплектованная научная библиотека с читальней и размещавшемся в подвале хорошо вентилируемым книгохранилищем. Сотрудники института в присутственные дни имели возможность знакомиться с общественной прессой и научной периодикой славянских социалистических стран и быстро доставляемыми оттуда книжными научными новинками. Все научные секторы и центры имели свою, хоть иногда и маленькую, но отдельную комнату, а большинство их заведующих – крошечный

отдельный кабинет. Самым просторным, как и полагается, был директорский кабинет с секретарской комнаткой в предбаннике и примыкавшим к кабинету закутком для отдыха с раковиной для мытья рук и узким топчаном для послеобеденного сна.

После поступления в аспирантуру наступил черед знакомства с сотрудниками сектора литературоведения, к которому я был прикреплен. Он собирался на втором этаже здания в сравнительно большой комнате площадью около 35 кв. м с полутора десятками столов и множеством стульев. Всем обычно хватало места, особенно когда начиналось застолье по случаю очередного дня рождения сотрудника сектора или другого праздника. Тогда столы и стулья сдвигались вместе, на столах появлялись домашние разносолы и веселящие напитки, и затем открывалось дружеское «заседание» с многочисленными тостами, шутками, прибаутками и неизбежным взаимными «подкалываниями». Само институтское здание обладало некоей позитивной аурой, возможно, унаследованной им от бывших дореволюционных хозяев. Оно настраивало на домашний человеческий лад, чуждый традиционному официозу государственных учреждений. На праздники ученые и аспиранты устраивали веселые капустники со стихами, частушками и театрализованным «лицедейством», в будни же мы могли снять интеллектуальное напряжение, обсуждая научные проблемы во время партии в шахматы или настольный теннис, стол для которого устанавливался в институтском холле.

В целом настрой сотрудников отличался тогда большим оптимизмом, который подкреплялся высоким социальным статусом ученых в обществе и материальным вознаграждением за работу. Старший научный сотрудник в те «золотые» для науки ушедшие времена получал вдвое больше старшего инженера, а зарплата доктора наук, заведомо равнялась зарплате министра. Ученых часто отправляли за рубеж в научные командировки, а попасть за границу в 60-е – 80-е гг. XX в. советским людям было нелегко – в основном только по туристическим путевкам, которых было немного, и распределялись они по государственным предприятиям и учреждениям. Ученым выдавали синие заграничные служебные паспорта, чей статус был значительно выше статуса бордовых паспортов туристических. Не представляло большого труда для ученых и аспирантов получить в Институте и оплачиваемую внутрисоюзную научную командировку. Этой возможностью часто пользовались не только историки, этнографы и фольклористы, но и лингвисты, литературоведы и искусствоведы. Было и много чего другого, что свидетельствовало о привилегированном положении ученых в советском обществе того времени – положении, которое должно быть восстановлено, конечно, если Россия намеревается выжить как независимое суверенное государство.

Литературоведческая институтская команда была тогда довольно многочисленной и насчитывала свыше двух с половиной десятков сотрудников. При этом в ней наблюдалось сравнительно «нормальное» соотношение мужской и женской составляющих:

приблизительно одна треть представителей сильного пола и две трети слабого. Известно ведь, что при превышении женщинами трех четвертей членов коллектива его начинает лихорадить. В команде литературоведов, помимо Сергея Васильевича Никольского, в то время работали полонисты Иван Константинович Горский (1921-2011), Борис Федорович Стахеев (1924-1993), Виктор Александрович Хорев (1932-2012) и Александр Владимирович Липатов (р.1937); богемист (и словакист) Лев Сергеевич Кишкин (1918-2000) и словакист Юрий Васильевич Богданов (1932-2010). Женскую часть коллектива составляли богемистки Светлана Александровна Шерлаимова (1927-2019), Анна Петровна Соловьева (1923-2012) и Людмила Норайровна Будагова (1932-2022), специалисты по литературам южных славян Галина Яковлевна Ильина (1930-2018), Регина Фридриховна Доронина (1924-2019) и Юлия Дмитриевна Беляева (1927-2020); полонистки Вивиана Владимировна Витт (1927-1983), Дина Серафимовна Прокофьева (р.1931), Наталья Андреевна Богомолова (р. 1935), Тамара Петровна Агапкина (1925-2015); словенистки Майя Ильинична Рыжова (1927-2017) и Евгения Ивановна Рябова (1925-1976); болгаристка Нина Николаевна Пономарева (р. 1928) и специалист по греческой литературе София Борисовна Ильинская (р. 1938). Позднее кандидатскую диссертацию по румынской литературе защитила Нурия Семиулловна Осипова (р. 1957), долгие годы проработавшая ученым секретарем сектора. Позже в секторе также появились две новые полонистки: в 1973 г. Виктория Валентиновна

Мочалова (р. 1945) и в 1984 г. Ольга Рахмиловна Медведева (Ляпатухина). В 1978 г. коллектив сектора увеличился за счет болгаристики Марины Геннадиевны Смольяниновой (Чемодановой) (р. 1937), а через десять лет после этого – словакистки Натальи Васильевны Шведовой (р. 1959) и сербистки Лидии Константиновны Гаврюшиной (1956–2020). В год моего поступления в аспирантуру на базе сектора литературоведов была создана возглавляемая С.А. Шерлаимовой группа современных литератур европейских социалистических стран, в которую вошли В.А. Хорев, Ю.В. Богданов и Н.Н. Пономарева. Затем число ее работников увеличилось благодаря появлению в ней новых научных сотрудников, и в дальнейшем она была преобразована в отдельный сектор. Но об этой группе я говорить не стану, потому что на нее не распространялись руководящие полномочия Сергея Васильевича.

Управляться со сравнительно большим коллективом было непросто, но Сергей Васильевич был талантливым руководителем и воспитателем, умело взращивавшим исследовательские таланты своих аспирантов и молодых ученых сектора. Он являлся одним из старейших сотрудников Института, начав работать в нем в 1948 г., т.е. на следующий год после создания этого академического учреждения. В том же году он защитил кандидатскую диссертацию и вслед за Н.И. Кравцовым (1906–1980) стал одним из первых институтских «остепененных» литературоведов. Это придавало ему уверенность своеобразного дуайена, тем более что он мог опираться и на авторитет появившихся в Институте несколькими

годами позднее полониста И.К. Горского и богемистки А.П. Соловьевой. Иван Константинович Горский был фронтовиком-инвалидом, в результате полученных ранений у него не только пострадали ноги, но и начало быстро ухудшаться зрение. Однако он мужественно сражался со своими недугами и защитил не только кандидатскую, но и докторскую диссертации. При всем этом он был справедливым человеком, и к его мнению сотрудники сектора всегда прислушивались. А Анна Петровна Соловьева занималась той же областью славянской филологии, что и Сергей Васильевич, жила с ним по соседству, обладала большой добротой души, мягкостью, женственностью и домашностью. Ах, какие вкусные пирожки она приносила из дома на наши застолья! Одновременно она, хотя и писала относительно мало, несомненно, была неплохим литературоведом. Недаром ее воспитанницей стала Л.Н. Будагова, которая после Сергея Васильевича на протяжении многих десятилетий возглавляла руководимый ранее им коллектив.

Но одной опоры на верных помощников для успешного руководства сектором было бы явно недостаточно. Сергей Васильевич и сам обладал харизмой руководителя и личности, которая вызывала почтение к нему у тех, кто с ним сталкивался. Я помню, каким воспринял его при первой нашей встрече в Институте: типичный профессор — небольшого росточка, с огромной розовой лысиной, обрамленной куцым венчиком седых волос сзади и по бокам, глаза казались огромными из-за невероятных диоптрий

очковых линз, причем линзы составные – верхняя бóльшая часть для зрения вдаль, нижняя маленькая для чтения, и это нарушало форму глаз при взгляде на них собеседника: то ли два глаза у их обладателя, то ли четыре. Большая голова, прямой корпус и короткие крепкие ноги. Одним словом – типичный «мультишный» профессор. Но вот он заговорил, широко и искренне улыбнулся и сразу сделался совсем другим. Его глухой голос излучал некий магнетизм, притягивающий внимание слушателя, на щеках при улыбке обозначались глубокие ямочки, и сам он становился настолько обаятельным, что все сразу же забывали и о невероятных линзах, и обо всем прочем, что бросилось в глаза при первом зрительном с ним контакте. Невольно возникала мысль, что такой мужчина, пожалуй, не останется без успеха у женщин, несмотря на отсутствие у него атлетического телосложения и открыточной красоты.

Особо хочется остановиться на одном из ценных человеческих качеств Сергея Васильевича – его неизменной доброжелательности. В нем чувствовалась готовность пойти человеку навстречу, ободрить его в горести и предложить посильную помощь. Последнее, правда, не касалось материальной стороны дела: было бы преувеличением назвать его щедрым – на деньги он был скуповат. Что же касается остального, то здесь Сергей Васильевич был безупречным. Он, например, никогда не отказывал сотрудникам в просмотре и попутном редактировании их научных работ, даже если это и не входило в его непосредственные

обязанности. Он делал это азартно, испытывая удовольствие от устранения смысловых и стилистических погрешностей текста и от того, что тот становился более совершенным и, следовательно, более доступным для понимания читателя и более ценным для славистики в целом. В этом плане Сергей Васильевич почти достигал вершин редакторской виртуозности Бориса Федоровича Стахеева, у которого, однако, любовь к редактированию сочеталась с нелюбовью к созданию собственных авторских текстов. В отличие от него Сергей Васильевич в этом смысле был «дволюбцем»: его авторские тексты отличалась научной глубиной и прекрасным литературоведческим слогом, а любовно редактируемые им чужие тексты под воздействием этого чувства преобразовались, приобретая смысловую и стилистическую завершенность.

Именно об этих научных достоинствах и человеческих качествах Сергея Васильевича мне хотелось напомнить в год его 100-летнего юбилея.

Романтизм С.В. Никольского

Сергей Васильевич Никольский – талантливый ученый и прекрасный человек. Мне очень повезло: когда я поступила в аспирантуру Института славяноведения РАН, именно он руководил сектором славянских литератур и предложил мне работу в нем после окончания аспирантуры. Я, разумеется, согласилась. Атмосфера в нашем коллективе была творческой и дружелюбной. Сергей Васильевич попросил меня написать две главы о болгарской литературе эпохи национального возрождения для нашего коллективного труда «История литератур западных и южных славян» в трех томах (Москва, 1997–2001 гг.). Мной были написаны две главы о болгарской литературе для второго тома, в котором освещен более чем столетний период истории восьми славянских литератур с середины XVIII в. до конца XIX в.

В этих главах уделено внимание центральному для эпохи возрождения процессу формирования национальной литературы Нового времени, протекавшему в Болгарии в экстремальных исторических условиях, в обстановке жесточайшего османского ига, державшегося на насилии и эксплуатации, грабежах и бесчисленных поборах. Поработители варварски уничтожали памятники высокой в прошлом культуры. Но бесчисленные бедствия, выпавшие на долю болгар, – массовое физическое истребление, «дань кровью», зверства янычар, угон населения в рабство,

отуречивание, эллинизация, исламизация – не уничтожили болгарский народ. Он выстоял и не был ассимилирован. В главах раскрыты особенности ускоренного литературного развития, специфика просветительского движения в стране, течений романтизма и реализма. Болгарская литература рассматривается в сопоставлении с европейским и общеславянским развитием. Представлены крупнейшие писатели XVIII–XIX вв., акцентируются духовные и эстетические ценности, пополнившие сокровищницу европейского искусства.

Сергей Васильевич Никольский был ответственным редактором II т. этого трехтомника. Он не стремился к унификации исследовательских подходов и оценок, предоставляя право каждому автору на самостоятельную точку зрения и понимание явлений. В то же время авторский коллектив объединяла общая концепция.

Исследование подобного рода было предпринято нами впервые после «Истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича, изданной в XIX в. После выхода в свет второго тома нашего труда Сергей Васильевич подарил мне этот том с трогательной надписью: «Поздравляем с успешным продолжением дела Пыпина и Спасовича, желаем новых успехов и здоровья всему роду Смоляниновых. С. Никольский».

Однажды Сергей Васильевич попросил меня принести ему текст баллады Христо Ботева «Хаджи Димитр». Я дала ему эту балладу на болгарском и на русском языках. «Хаджи Димитр» был написан Христо Ботевым в память о подвиге этого знаменитого

воеводы, который возглавил в 1868 г. поход четников – болгарских эмигрантов в Болгарию с целью поднять восстание против турок. В балладе сочетаются элементы романтической образности с реалистическими приемами изображения. Безгранична скорбь поэта о погибшем в борьбе за свободу народа воеводе. Об умирающем юнаке скорбит вся природа: орлица закрывает его крылом от палящего солнца, волк зализывает раны героя. Ему сочувствует и сокол – юнацкая птица, и прекрасные самодивы – легендарно-романтические существа, воплощающие мечты народа о вечной красоте и молодости. В балладе тяжкий, трагический напев жниц-рабынь перерастает в страстный патетический гимн Балканских гор, воспевающих бессмертие борцов за свободу народа:

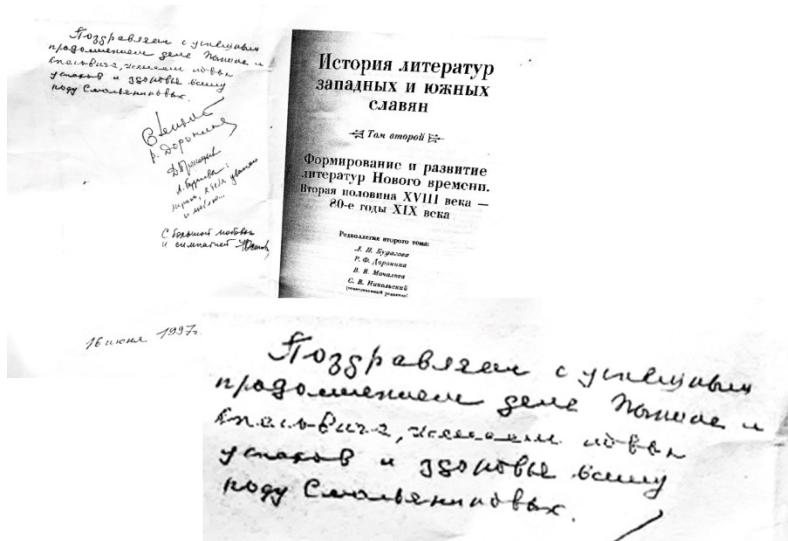
Кто в грозной битве пал за свободу –
Не умирает: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают.

Ботев предвидел свою судьбу. Он собрал 276 единомышленников – болгарских эмигрантов, живших, как и он, в Румынии, – и высадился с ними на болгарском берегу Дуная, чтобы поднять антитурецкое восстание. Но турки обнаружили его отряд и убили гениального поэта, стихи которого переведены на 33 языка мира.

Никольский не просто так просил текст этой баллады. Он очень интересно писал о чешских романтиках (в частности, о творчестве К.Г. Махи, К.Я. Эрбена), и его интересовали произведения в том числе болгарских романтиков эпохи национального возрождения. В душе Сергей Васильевич сам был не

меньшим романтиком, несмотря на то, что в жизни его были не только радостные, но и трагические события. Так, его отец, священник Василий Сергеевич Никольский был расстрелян в сталинское лихолетье (3 ноября 1937 г.) «за антисоветскую агитацию». В 1937 г. Сереже было 15 лет, а отцу его – 39. В 1989 г. Василий Сергеевич был реабилитирован, а в августе 2000 г. причислен к лику священномучеников Архиерейским собором Русской православной церкви.

Мы навсегда сохраним память о незаурядном ученом и великодушном человеке – Сергее Васильевиче Никольском.

Воспоминания об Учителе

Сергей Васильевич Никольский стал для меня очень важным человеком на значимом этапе моей жизни: он помог мне осуществить свою мечту – поступить в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР и реализовать себя в любимом деле. Более того, со временем я все отчетливее осознаю масштаб его фигуры и как ученого, и как человека.

Мне, вчерашнему русисту, после окончания филфака МГУ работавшему редактором в одном из ведущих советских издательств, решившему продолжить свое образование и начать реализовывать себя на новом поприще, было совсем непросто. Было неясно, какую литературу я буду изучать и кто станет моим научным руководителем.

С одной стороны, я уже на старших курсах университета начала параллельно с освоением программы русского отделения изучать сербский язык (сначала на истфаке) и историю сербской литературы (факультативно). С другой стороны, после кончины Е.И. Рябовой для сектора истории славянских культур вставал вопрос острой необходимости подготовки специалиста по словенской литературе. Ну и понятно, что в таких условиях меня, «темную лошадку», никто не хотел рассматривать в качестве своего будущего аспиранта. Согласился только Сергей Васильевич, не смотря на свою объемную и многогранную научную и научно-

организационную деятельность (правда, после того, как ознакомился с моим дипломом и побеседовал со мной). Фактически он уберег меня от творческого кризиса и помог мне после консультаций с коллегами, хорошо знавшими особенности литератур народов Югославии (Г.Я. Ильиной, Р.Ф. Дорониной и др.), выбрать тему и направленность исследования. Хотя даже здесь было много разных мнений по поводу выявления главной фигуры будущей диссертации – Ивана Цанкара.

Поступив в аспирантуру, я влилась в сектор (с 1993 г. – центр и с 2012 г. – отдел), где уже после защиты кандидатской диссертации в 1990 г. проработала многие годы. И с каждым днем узнавала о своем научном руководителе все больше удивительных и восхищавших меня вещей.

Будучи главой сектора истории славянских литератур нашего Института с 1954 г. (а фактически, как вспоминала Л.Н. Будагова, с 1951 г.) по 1988 г. (т.е. более 30 лет), он проявлял доброжелательность, тактичность, внимательное отношение к мнению своих коллег, умел создать творческую рабочую атмосферу. Ему удавалось объединять людей, снимать напряжение при обсуждении самых разных и острых вопросов. У него была своя, особая харизма. Как мне кажется, в полной мере это проявлялось во время подготовки многих коллективных трудов сектора. Я же смогла лично оценить особенности этой творческой атмосферы в период обсуждения статей-глав и подготовки к изданию трехтомника «История литератур западных и южных славян» (тт. I–II – 1997 г.;

т. III – 2001 г.), поскольку участвовала в этой работе в качестве одного из авторов.

В этом коллективном труде С.В. Никольский выступал и как член редакционного совета, и как член редколлегии II и III томов, и как ответственный редактор II тома, а также как автор глав по истории чешской литературы разных периодов.

Сергей Васильевич умел слушать молодых, меня в том числе: и когда я советовалась с ним по поводу тематики новых исследований, и когда высказывала ему свою, еще не совсем твердую позицию в отношении работы с новыми материалами. Так, во время подготовки к написанию глав для коллективного труда по истории литератур южных и западных славян, он единственный с самого начала поддержал мое стремление включить в главу о словенской литературе 1941–1945 гг. не только разбор партизанской литературы, но и анализ произведений, созданных в эти годы писателями разных направлений (чего ранее наши литературоведы не делали). Способность заметить творческую искру, ободрить, в исключительно тактичной форме убедить собеседника – в этом состоял его великий дар.

В нем сочетались самые разные таланты и способности.

Он был и бойцом, и дипломатом: многие годы руководил от делом с преимущественно женским составом.

Он был и внимательным учителем, и заинтересованным слушателем – не раз он поддерживал мои устремления расширить горизонты изучения литературы словенцев: наряду с Иваном

Цанкаром высветить и других крупных писателей разных периодов, углубленно исследовать словенско-русские связи в области литературы и культуры.

Он преподавал мне необычайно ценные уроки работы с источником: будь то архивный документ или литературный текст. Под его руководством я осваивала и развивала методику анализа художественного произведения с особым вниманием к биографии и психологии писателя и историко-культурной ситуации, в которой он творил. Мой научный руководитель мягко и настойчиво, особенно собственным примером (а его работы я прочитывала на одном дыхании, а подчас и не один раз) предлагал мне не бояться включать в исследование сравнительно-аналитического характера новые данные, даже из других литератур.

Мне была близка и полезна (особенно при изучении творчества И. Цанкара) еще одна характерная черта исследовательской методики С.В. Никольского, о которой написала С.А. Шерлаимова (в статье «С.В. Никольский – исследователь чешско-русских литературных взаимосвязей»¹). Это его способность «постичь „метафизику“ художественного произведения, не ограничиваться внешним описанием или детальным анализом отдельных художественных приемов», а постараться выявить «возможный скрытый смысл авторского высказывания, образа, метафоры»².

¹ Шерлаимова С.А. С.В. Никольский – исследователь чешско-русских литературных взаимосвязей // С.В. Никольский и современная славистика. В честь 90-летия со дня рождения ученого. М., 2013. С. 36–44.

² Там же. С. 41.

Для меня Сергей Васильевич Никольский был и Учителем с большой буквы, и строгим внимательным критиком, в чем я убедилась еще на стадии завершения текста диссертации. Благодаря ему реализовалась моя мечта.

Я успела самыми разными словами и делами выразить ему свое уважение, признательность и благодарность. И он понимал, что это – от сердца.

С.В. Никольский в моей памяти

Немного воспоминаний о личных встречах и размышлений по поводу перевода книги «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое»

Был пасмурный московский ноябрь 2003 г., когда я впервые встретила с профессором С.В. Никольским на конференции по Первой мировой войне. Меня представила ему Людмила Норайровна Будагова, и я обратила внимание, как торжественно в тот момент прозвучали ее слова по сравнению с представлением меня другим коллегам. По первым же фразам нашей беседы мне стало понятно, что это особенное отношение вызвано не только возрастом, но и тем искренним интересом пана профессора ко всему, что касается чешской культуры. Пока шла конференция, я не спускала с него глаз, наблюдала за его реакцией на выступления, внимательно слушала, о чем он говорил во время перерыва. Уважение к его личности было безмерно. Насколько я могу судить о результатах своих тогдашних наблюдений, увиденный мною человек очень располагал к себе, был внимателен, дружелюбен, но и одновременно строг. Во время моего доклада он постукивал ручкой, предупреждая об отведенном времени. Особенно я отметила тогда его ироничность и чувство юмора, ведь, кажется, из всех присутствовавших он единственный среагировал на мою шутку о сравнении чешского и словацкого национального характера

через гимны: вопросительный знак против восклицательного, несколько испуганное чешское «Где?» и словацкий призыв «Остановим их!». Он сразу заулыбался и закивал в знак согласия. Моя симпатия к пану профессору всё возрастала, но самое важное – при том, что я уже знала, сколько молодых богемистов он воспитал, – еще ждало меня впереди.

В один из вечеров мы отправились в Чешский центр на показ какого-то нашего фильма из «золотой коллекции». Примечательно, что от фильма у меня воспоминаний особо не сохранилось, зато реакция зрителей в темном зале на запоздалый приход нашей группы из четырех человек врезалась в память. С разных сторон вдруг зашумели: «Никольский! Никольский!» Так обычно реагируют на появление звезд из иных сфер, нежели науки. Чувствовалось в этом и уважение к заслугам – это уже было мне известно, – и редкость встречи, ведь Сергей Васильевич наверняка посещал далеко не каждое культурное мероприятие Чешского центра. Когда после фильма мы направились к такси, меня поразила еще одна мелочь. Было скользко, и мой молодой коллега хотел помочь профессору, которому тогда уже было за восемьдесят, пересечь дорогу, однако помощь была решительно отвергнута. А дальше последовала кульминация вечера – поездка по ночной Москве. Без спешки и под личным руководством Никольского. Освещенные аллеи, ряды несущихся мимо машин и слова опытного экскурсовода и настоящего москвича, ведущего нас по литературным местам любимого города. Я тоже очень люблю

Москву, здесь я в студенческие времена провела целый год, мне близок Пушкин, для которого в этом городе так «много <...> для сердца русского слилось». Мои воспоминания тридцатилетней давности ожили в атмосфере того вечера, особенно, когда к нам присоединился Михаил Булгаков. Никольский с любовью показывал, где Патриаршие пруды, Большая Садовая, Варьете, Дом Грибоедова. Я знала эти места и дополняла цитаты Никольского из «Мастера и Маргариты» чешским переводом. Можно сказать, что мы какое-то время говорили «по-булгаковски», и думаю, я именно в тот момент снискала симпатию Сергея Васильевича. А когда речь зашла о Ярославе Гашеке и его Швейке, книге, которую Никольский издал в 1997 г. и хотел видеть на чешском языке, я по причине, не объяснимой мне сейчас разумными доводами, произнесла «судьбоносную» фразу: «Так я Вам ее и переведу». Не исключено, что дело было не только в очаровании ночной Москвой, но и в очередном фокусе Воланда. Ведь мы же проезжали мимо Варьете! В любом случае позже магия рассеялась и наступила суровая реальность. Но раз дано обещание – надо выполнять.

Наличие в моем багаже книги «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» с посвящением автора подтверждало мое обязательство без всяких компромиссов. Вскоре после возвращения домой я получила по почте еще один экземпляр, на этот раз со вставками, исправлениями, дополнениями, замечаниями и целой страницей с инструкциями от Сергея

Васильевича. Книгу я прочла быстро. Некоторые вещи меня заинтересовали, что-то наталкивало на размышления и сравнения с чешской трактовкой темы. Я цитировала книгу и во время своих лекций в университете. Но вот начать делать перевод – это уже совсем другое дело. И не только потому, что в это время у меня были свои тексты на доработке и уже поджимали сроки, а из-за скрытых в тексте «ловушек», требовавших значительного времени для осмысления, помимо самого перевода. Никольский посвятил Гашеку и Швейку многие годы и прекрасно знал соответствующую чешскую литературу и источники, особенно воспоминания современников Гашека. Все эти источники он в большом количестве цитировал. Если цитата была на русском (что было в большинстве случаев), надо было найти и привести ее в оригинале. Проблемой было и обилие цитат из русского издания «Похождения бравого солдата Швейка», где страницы, естественно, не совпадали с чешским оригиналом. Надо было искать текст, иногда совсем короткий, по главам и лишь по смыслу. Иногда это превращалось прямо-таки в детективную работу, требовавшую много времени. Значительную часть романа я по прошествии многих лет читала заново. С другой стороны, это было забавно: иногда я пробовала сама перевести русскую цитату на чешский и потом сравнить с оригиналом Гашека. И настоящей радостью было «попасть в яблочко». Вторую проблему, возникшую при переводе, надо было решать в переписке с Сергеем Васильевичем, так как она касалась содержания, в частности, некоторых чешских реалий.

Никольский работал с историографической литературой пятидесятых годов, которая зачастую искажала действительность, например, националистические уличные волнения 1890-х гг. трактовались как революционное движение. Я объясняла автору, что прозвучав в чешской среде, такие утверждения навредили бы книге, что это показалось бы смешным. И он согласился с этими изменениями. Возможно, с тяжелым сердцем, так как феномен революции ему был близок, о чем говорят, скажем, и воспоминания Людмилы Норайровны. Никольский был ее научным руководителем при написании дипломной работы об Иржи Волькере и убеждал ее, что Бог у поэта – это образ революции. Она, правда, не дала себя переубедить, тем более что сам поэт явился ей во сне и подтвердил, что его Бог – это и в самом деле Бог.

Принести в Чехию Швейка из-за рубежа было смело, т.к. данное хорошо изученное явление стало уже народным и в чешской среде имеет массу литературных трактовок. Почти все исследования звучат в унисон, в том смысле, что воспринимают фигуру Швейка как специфически чешскую. Эта концепция породила и, собственно, такие понятия как «швейковать», «швейковщина», ну а мы, чехи, просто «народ швейков». Вырванная из контекста фраза «только спокойно» (*to chce klid*) часто звучит в повседневной жизни как совет при ревматических болях, эти слова висят на стенах десятков забегаловок и пивнушек, выгравированы на стаканах, написаны на майках и другой сувенирной продукции и подаются как некое чешское национальное флегматическое

отношение к жизни. И вот является некий русский богемист со Швейком наднациональным и вневременным, эдаким олицетворением вечного плебейства, чьим единственным оружием и защитой, щитом и мечом против любого зла и несправедливости является смех. Никольский не автор этой концепции, в русской культуре у нее давняя традиция, но он убедительно обосновал ее своим историко-литературным анализом произведения Гашека. Поэтому его книга не повторяет чешскую интерпретацию, а обогащает ее, ставит новые вопросы, вдохновляет.

Еще более значительный вклад Никольского касается личности самого Ярослава Гашека. Он для него не непонятная фигура, ведущая богемный образ жизни, полный извилин и разных эксцессов. Гашек для него не «чужак», как у Индржиха Халупецкого, и не многоликий Янус, как у ряда других исследователей. Он, без сомнений, цельная личность. Никольский не только обобщил огромное множество деталей из жизни Гашека, но и смог этот разнородный материал «разложить по полочкам», что в конечном итоге создало некую гармонию целостности. Жизнь Гашека он видит как творческий процесс, в котором всё имеет свой смысл и течет живой, динамичной струей. И в этом тоже состоит особый вклад Сергея Васильевича Никольского в историю чешской литературы. А для меня это стало причиной сжиться с переводом настолько, чтобы он мог открыться чешскому читателю во всей своей полноте и убедительности.

Книга «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» постепенно превратилась для меня в живое существо, которое иногда меня злило, но главным образом вдохновляло и душевно трогало. Редко случается, что историк литературы рассказывает своим читателям, как он ведет научную работу, выносит на обсуждение свои мысли, ожидания и радости. Здесь же автор делился своими личными переживаниями в связи с путешествием по следам Гашека на Байкал, ярко обрисовывал картину местности и портреты людей, с которыми ему довелось общаться. В 1987 г. Никольский стал первым исследователем, которому удалось подержать в руках военные документы настоящего солдата Йозефа Швейка. Этот пассаж книги звучит особенно драматично. Вместе с Никольским мы идем по пражской Инвалидовне, где находился Военно-исторический архив, с замиранием сердца заказываем кипу документов, о существовании которых мы лишь догадываемся. И вот оно! Вдруг перед нами оказываются ветхие папки, которые никто не брал в руки уже десятки лет, со страхом, как бы все не рассыпалось, мы развязываем полуистлевшие тесемки, и вот уже шелестят поблекшие бумаги солдата с личным номером 20899. И нельзя не разделить эту радость открытия с Сергеем Васильевичем. Можно лишь сожалеть, что книга в чешском переводе не появилась чуть раньше, когда неизвестная глава о настоящем Швейке могла вызвать действительно заслуженный интерес. В Чехии 1990-х гг. стала очень популярна тема истории Первой мировой войны. Ею занимались и профессионалы,

и любители, а архивные документы Швейка в скором времени перестали быть «девственно чисты». Это опоздание касается не только данной главы, но и всей книги, так как чешское пространство после 1989 г. заполнилось новыми темами, отодвинувшими классику в тень. Но ведь это не навсегда...

Когда в 2013 г. я снова оказалась в Москве на конференции Института славяноведения, мы смогли поговорить с Сергеем Васильевичем лишь по телефону. Чешский перевод его книги под названием *V Haškových stopách za Josefem Švejkem* уже был в библиотеках и у своих читателей. Никольский радовался этому, ему были приятны отзывы чешских друзей, которым он подарил книгу. И я была счастлива, что удалось разрешить все затяжные проблемы с издательством и довести книжку до печати. Работа над ней была важной частью моей жизни, и я люблю этот свой труд. Помимо воспоминаний, у меня хранится и стопка писем пана профессора, а главное, я вновь осознаю, что у русской богемистики есть сердце.

Перевод с чешского И.А. Герчиковой

**Труды С.В. Никольского о Я. Гашеке и
особенности чешской ментальности**

В наши дни, когда манипулирования угрозой войны доходят до трагического комизма, как ни в какое другое время нужно повторить юмористические «похвалы Глупости», которыми насыщен роман о Йозефе Швейке. Ибо, по его мнению, не всякий смех сдерживает угрозы войны, а лишь тот, который, будучи пронизанным тревогой, все же взывает к самым основам человечности. Работы С.В. Никольского о творчестве Я. Гашека позволяют воспроизвести в новых условиях целительный потенциал юмора именно такого уровня – некой яркой черты чешской ментальности в целом¹. Только человек поистине широкого ума и богатого сердца мог вместить в себя чувство юмора по отношению к трагическим превратностям войны. Таким был чешский писатель, участник Первой мировой войны Ярослав Гашек. Таким был и Сергей Васильевич Никольский – отечественный исследователь его творчества, знавший некоторые обстоятельства и его жизни, и жизни прототипа его знаменитого романа лучше самих чехов.

Надо сказать, что С.В. Никольский приступил к изучению творчества Я. Гашека и К. Чапека не в самые простые времена: первого чешского автора критиковали за «легкомысленное»

¹ *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.

отношение к империалистической войне, второго – за дружбу с Т.Г. Масариком. Сам выбор этих тем говорит о смелости ученого; в этом плане он – своеобразный наставник и для чешских исследователей, вплоть до Пражской весны стремившихся выглядеть более серьезными, чем их наставники из Москвы. Сергей Васильевич оперировал афоризмом Чапека: «Юмор – это всегда немножко защита от судьбы». Такое понимание было присуще и самому Никольскому. При этом если Гашек обличал прошедшую войну, то Чапек – еще не наступившую.

После разработок С.В. Никольского термин «швейковщина» потерял многие негативные коннотации, напрямую же применять его с этими коннотациями к характеристикам особенностей чешской ментальности, включая политический менталитет, становится затруднительно. Слишком ярко и убедительно были выявлены контуры фигуры Йозефа Швейка в новаторской не только для отечественного, но и чешского гашековедения работе.

В новейших исследованиях под менталитетом принято понимать то, что «выражается в национальном языке, проявляется в идентичности, соединенности устойчивых когнитивных особенностей и веры, образе мышления, своеобразной системе образов, представлений и умонастроений»². Аналитический инструментарий в ходе ментальных исследований позволяет четче

² *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. С. 73.

идентифицировать параметры и чешской ментальности, а также провести ее сопоставление с другими. Нужно учитывать, что менталитет накладывает отпечаток на строй разума и проявления чувств, формирует и демонстрируемые качества, и бессознательные установки своих носителей. «Практически каждый носитель таким образом проявляемого менталитета – член узнаваемого общества-политей с присущими ему языком и традициями, культурой и ценностями»³. Он маркирует культурные и поведенческие коды этносов, их культурное разнообразие.

Сам Никольский прибегал к этому термину. Так, в книге о К. Чапеке и М. Булгакове он пишет о способности почти современника Гашека усваивать национальные образы мира и о его увлечении «моделированием менталитета разных народов»⁴. В частности, Чапек моделировал отношение разных государств к саламандрам с учетом их ментальности.

Выявление сущностных особенностей и связанных с ними поведенческих паттернов Гашеком в этом плане – высшее свидетельство его художественного дара и аналитических способностей. Как раз на это и указывает Никольский в своей книге и в ряде других работ по гашековедению.

³ *Задорожник Э.Г.* О новом подходе к изучению политического менталитета профессора И.М. Ракитянского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 102.

⁴ *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). М., 2009. С. 23.

Ключевым качеством чешской ментальности можно считать осмотрительность. Данный концепт используется в ряде моих исследований по истории Чехии⁵. В данном тексте поставлена задача выявления своеобразного преломления указанного качества в фигуре главного героя романа Гашека. В этом ракурсе книга С.В. Никольского, которого у нас есть все основания назвать классиком гашековедения, причем не только отечественного, выступает ничем не заменимым источником.

А главное – С.В. Никольский доказал ту истину, что рецепция чешской ментальности до и после романа Гашека – это, как говорят в духе его юмора, «две большие разницы». При этом новые характеристики приобретает все та же чешская осмотрительность как его ключевая черта – в ее рамках проглядываются и самокритические нотки, связанные с юмористическим отношением к устоявшимся нормам. Эти нормы чаще навязывались – и навязываются – чешскому этносу извне, и если относиться к ним без критически юмористического взгляда, то они могут деформировать параметры чешской ментальности. Отсюда и трагическая составляющая той самой осмотрительности, желание найти

⁵ *Задорожник Э.Г.* Четверть века политической истории Чехии: стабильность через «осмотрительную» нанополитику [Электронный ресурс] // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3 (23). С. 81–95. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3_2020_1_81_95.pdf (дата обращения: 02.10.2022); Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в. М.–СПб., 2020. С. 338–388.

окончательную защиту и – если обращаться к глубинной памяти народа – невозможность это реализовать; отсюда и претензии на носительство неких высоких идеалов, не всегда обосновываемые, а потому часто комичные до горьких слез.

С.В. Никольский акцентировал внимание на том, что юмористический настрой в мировосприятии и Гашека, и Швейка – лишь некая ширма, скрывающая за собой трагизм жизни народа, особенно в условиях ненужной ему войны. О трагической составляющей романа, да и самого образа Швейка, писали, в частности, в своих трудах отечественный исследователь С.Я. Востокова⁶, установившая, что на смену «маленькому человеку» как жертве пришел маленький человек-победитель при любых обстоятельствах с опорой на народный характер, украинский автор В. Шевчук⁷ и другие исследователи, в том числе многие чехи, начиная с И. Ольбрахта. Так, Никольский правомерно утверждал, что Гашеку удавалось преодолевать абсурд через игру в него, расправляясь с трагическими обстоятельствами войны, как будто «с пьяной канителью в жижковской корчме». Трагической была ситуация прервавшегося на столетие (с 1815 по 1914 г.) мира в мире. Двойной трагизм Швейка можно выразить формулой: иронизируй, но подчиняйся, и это так или иначе просматривается в интерпретации данного образа С.В. Никольским.

В частности, это наблюдается в его суждениях о том, что романтизм Гашека в его сатире преобразился в трагизм человеческого

⁶ *Востокова С.Я.* Ярослав Гашек. Биографический очерк. М., 1964.

⁷ *Шевчук В.Я.* Гашек. Киев, 1965.

существования, а герой его романа Йозеф Швейк осознавал это через параллели к любой ситуации через ее удвоение. Знаменательно свидетельство первой жены Гашека Ярмилы (1887-1931) от 1930 г.: «Я знала только, что юмор его вызрел в страданиях, что за Швейка своего он заплатил восемью годами жизни»⁸.

Швейк правомерно демонстрирует: если у войны столько последствий, то как воевать и зачем? Кого защищать – престарелого императора или подпоручика Дуба, и какой ценой? Эти вопросы инвариантны по отношению к любой войне, и особенно мировой, поэтому Швейк и узнаваем любим народом. Сам Никольский неоднократно писал, в том числе в начале книги⁹, об изображении земного шара, поддерживаемого плечами Дон Кихота, Гамлета и Швейка, причем на последнего ложится едва ли не наибольшая часть ноши: без идеализма первого и раздумий второго выжить хоть как-то можно, а вот без юмора третьего никак нельзя.

Как раз поэтому И. Ольбрахт еще в 1920 г. отмечал, что слово «швейковщина» становится столь же узнаваемым как «донкихотство», «гамлетовщина» и «обломовщина». Немецкий драматург Б. Брехт писал практически об этом же, считая роман Гашека одной из трех книг, наиболее полно представляющих человека.

⁸ *Вербин Е.* Чехия, которую вы не знаете... [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова URL: http://lit.lib.ru/w/werbin_b_e/text_0020.shtml (дата обращения: 02.10.2022).

⁹ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 7.

Российский юморист Л. Ленч уподоблял Швейка Давиду, поразившему пращой смеха беспощадного воина Голиафа.

Мало кто сомневается в том, что для уяснения особенностей чешской ментальности фигура Йозефа Швейка играет немалую роль. Можно даже предположить: до романа Гашека соответствующие представления об этом феномене были одни, а после стали другими. Не помогло и то, что чехи и словаки смело сражались на фронтах Первой мировой войны против Австро-Венгрии, добились самостоятельности, а их государство вошло в десятку наиболее развитых стран мира. Конечно, задачу анализа этого сдвига ментальности Никольский напрямую не декларировал, но он в немалой степени решил ее в своей книге – классике того, что можно назвать гашековедением (это же относится и к его трудам по чапековедению).

С.В. Никольский предельно глубоко проработал тему «Гашек и Россия», приведя свидетельства, что писатель считал себя рыцарем Ричардом Львиное Сердце и поклонялся идеалам безвластия М. Бакунина, с которым лично был знаком его дед. Сам он часто говорил: «Мы хотим жить по-русски»¹⁰. Это желание можно выводить из его глубинных связей с русской литературой, причем пока в полной мере не отрефлексированных. Например, Гашек утверждал: каждый социал-демократический лидер «в борьбе за права трудящихся трогательно тучнеет». Это – в духе

¹⁰ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 18-19.

М. Салтыкова-Щедрина, влияние которого на сатиру Гашека и даже на юмор псевдонаивного Швейка явно недооценено.

Не имеющим прецедентов является открытие С.В. Никольским документальных свидетельств о реальном Йозефе Швейке, воевавшем вместе с Гашеком. В книге отмечено: ходили слухи, что именно Швейк спас Гашека от угрозы ареста¹¹. Правда или неправда, но Швейк как герой романа вывел жизнь Гашека на недостижимые вершины, поместив его фигуру в ряд величайших писателей всех времен и народов. Его адрес Никольский обнаружил в Военно-историческом архиве в Праге; он прошел по следам Гашека в Сибири, установил имена людей, которые жили и действовали рядом с ним. И сложилось так, что в выделенных трех стадиях формирования образа Швейка – 1911-1917, 1917-1921, 1921 – фигурально выражаясь, рассказчика, активной личности, мыслителя, средняя из них пришлась на преобразующуюся Россию.

В книге Никольского приводятся доселе малоизвестные свидетельства о том, что обычно веселый Гашек в Иркутске был нахмуренным, ибо ему надо было ехать в Чехословакию. Тем более что шли разговоры о его возможном китайском анабазисе, особенно если учитывать значительное число бойцов-китайцев в Красной армии¹². При этом, согласно Никольскому, Гашек знал немало китайских иероглифов и слов на китайском языке. Однако

¹¹ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 80.

¹² Там же. С. 133, 140.

же этого не случилось, и одного из самых жизнерадостных писателей ждала смерть уже после окончания Первой мировой войны, в 1923 г., в небольшом заброшенном чешском селении Липнице. Гашек, прибыв на родину, столкнулся не столько с ненавистью, сколько с «вялой мещанской психологией». И в этих условиях он выбрал установку: «Покажу, что такое наш (чешский) характер и на что он способен» (приведенное Никольским свидетельство его жены Шуры)¹³.

Лучшие носители этого характера (ментальности) победили в противостоянии Австро-Венгрии и милитаризму. И в противостоянии этому проявилась вся сила этого характера с его склонностью к юмору с оттенками трагизма. Лучшие черты этой ментальности с учетом ее ключевой характеристики – осмотрительности – и выявил журналист и писатель, которому был предначертан век поэта – Гашек не дожил до 40 лет, а Швейка диктовал за 4 дня до смерти. Трагизм его судьбы заключался и в том, что он – коммунист российского разлива – не был принят не только мещанами и властной элитой Чехословакии, но и местными левыми социал-демократами. Трагично и само призвание создавать юмористические образы в столь тяжелые времена... Но сила духа Гашека превозмогла многое. Ее обрисовал С.В. Никольский в своей книге и в других работах о классике чешской и мировой литературы.

¹³ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 146.

Конечно, Гашека окружали представители чешского народа с присущей им ментальностью и в Липницах – месте его не столько успокоения, сколько упокоения. Однако следившие за ним осведомители переходили все границы, докладывая, что его здоровье «отрадно ухудшается»¹⁴. И это тоже отсвечивается в трагизме судьбы писателя, а также в его жизнерадостном герое. Вот так правящие круги новой страны привечали своего гения, который обладал силой противостояния им, присущей и Швейку, отнюдь не манифестируя себя как Наполеона и даже Герострата. Как указано в предисловии к роману: это «тихий, скромный человек в поношенной одежде, <...> имя которого еще во времена Австро-Венгрии не сходило с уст всех граждан чешского королевства и слава которого не померкнет и в республике». Ирония иронией, но слава его не меркнет не только в республике, но и во всем мире (роман переведен на более чем 60 языков). Есть перевод П.Г. Богатырева, наставника самого Никольского, украинскому же переводчику С. Масляку, также проживавшему в Чехословакии, особенно удался перевод стихов из романа. Гашековедение – есть такое слово в Википедии, а под ним десятки интересных текстов – свидетельствует об этом со всей определенностью.

¹⁴ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 147.

Несколько замечаний о русском богемисте Сергее Никольском

Проблема вклада иностранной филологии в исследование отечественного языка и литературы, на мой взгляд, является одной из основных проблем в науке. В случае литературоведческой богемистики речь идет, например, о вкладе немецких, английских, польских, французских, русских и других исследователей, которые привносят в своем анализе собственный культурный, научный и методологический опыт, изучая иностранную литературу сквозь призму своей отечественной литературы. Однако при этом следует отметить, что, как правило, именно иностранные филологи-литературоведы, возможно, в силу врожденной вежливости и такта повторяют оценки нашего, чешского литературоведения, не желая вступать в дискуссии.

Судьба Сергея Никольского (1922–2015) является свидетельством того, что намного более плодотворным может оказаться самостоятельный, полностью независимый подход, максимально отличающийся от приемов и оценочных иерархий отечественной, в данном случае чешской богемистики. В 1950-е гг., разумеется, в результате счастливого случая, стечения обстоятельств и намеренных действий отдельных просвещенных чешских богемистов и чапековедов он посредством своего предисловия, оперативно переведенного на чешский и изданного отдельной брошюрой¹, поспособствовал реабилитации выдающегося писателя Карела Чапека. После выхода этой брошюры Чапек вновь стал

¹ См.: *Nikolskij S. V. Karel Čapek. Praha, 1952.*

избирательно публиковаться в Чехословакии, и таким образом запрет на издание его произведений, действовавший с 1948 г., был снят. Изначально речь шла о вступительной статье Никольского к избранным сочинениям Карела Чапека, которые вышли в 1950 г. в «Гослитиздате». Однако этим вклад Никольского в чапекведение не ограничивается. Он заново пересмотрел доминантные пласты творчества Карела Чапека и в последнее время использовал новые сравнительные и документальные подходы к произведениям Чапека и Гашека, превзойдя в этом в том числе и чешскую богемистику.

Никольский и другие русские богемисты служат примером незаменимости иностранной филологии в процессе изучения отечественных художественных произведений и в целом восприятия, интерпретации и оценки литературы как таковой. Среди его работ о Чапеке – статьи «Фантастические произведения Карела Чапека»² и «Карел Чапек – фантаст и сатирик»³, монографии «Роман Карела Чапека „Война с саламандрами“: структура и жанр»⁴ и «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов)»⁵. Он открыл и новые подходы к

² *Никольский С.В.* Фантастические произведения Карела Чапека // *Чапек К.* R.U.R. Средство Макропулоса. Война с саламандрами. Фантастические рассказы. М., 1966.

³ *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик // *Чапек К.* Фабрика Абсолюта. Белая болезнь. М., 1967.

⁴ *Никольский С.В.* Роман Карела Чапека «Война с саламандрами»: структура и жанр. М., 1968.

⁵ *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов). М., 2001.

роману Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» в книге «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое»⁶.

В нашем журнале «Новая Русистика» в 2012 г. в честь 90-летия со дня рождения Никольского была опубликована выдержка из его книги о Чапеке, Булгакове и Гашеке под названием «Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей»⁷. Здесь характерен выбор исследователем именно этих чешских писателей. Оба относятся к канону мировой литературы и, несомненно, были первыми чешскими писателями с мировой славой. Кроме того, они обладали особыми визионерскими способностями. В то время как Ярослав Гашек, особыми узами связанный с Россией, подчеркивал чешскую реакцию на мировые катастрофы, Чапек сумел показать и будущие угрозы, что позволило мне в одной из своих статей охарактеризовать его как «аналитика угроз и катастроф». Знаатокам его творчества не надо напоминать, о чем идет речь и каких произведений это касается – по-моему, абсолютно всех, хотя в нескольких случаях, например, в романной трилогии или в «рассказах из карманов» это, скорее, присутствует в приглушенной форме. Именно Карел Чапек – та фигура, которая наиболее прочно связывает меня с Сергеем Никольским.

⁶ *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997. См. также нашу рецензию: *Pospířil I. Zsvěcené knihy nestárnoucího bohemisty (Sergej Nikolskij) // Slavica Litteraria. X5. 2002. S. 123–124.*

⁷ *Никольский С.В.* Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей // Новая Русистика. № 1. 2012. С. 55–67.

Судьба Чапека как писателя странная. В 1910-е гг. его поколение утвердилось во главе новой чешской литературы, а сам Карел, прошедший уже несколько коротких стажировок в довоенных Париже и Берлине, вместе с его братом Йозефом стали самыми заметными авторами этой молодой литературы. Они, в отличие от предыдущих поколений, ориентировавшихся на позитивизм и немецкую философию воли Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, а в литературе – на скандинавскую драматургию Генрика Ибсена, особо выделяли теперь роль французского модернизма, т. е. декаданса и символизма. В годы Первой мировой войны, выражая свой особый протест против действий Центральных держав, Чапек переводил с французского поэтов-модернистов и затем издал свои переводы в антологии под названием «Французская поэзия нового времени»⁸. Ведущий представитель чешской поэзии последующего поколения Витезслав Незвал по случаю выхода второго издания этой книги в 1930-х гг. назвал ее «стержневым произведением», сформировавшим весь язык современной чешской поэзии. Оба брата Чапек, но главным образом, конечно, Карел, были новаторами чешской литературы, проявив себя во многих литературных родах и жанрах: в поэзии, лиризованной прозе, драматургии, научной фантастике, антиутопических романах-предостережениях.

⁸ *Čapek K. Francouzská poezie nové doby.* Praha, 1920.

Я не раз обращался к творчеству Карела Чапека в своих статьях, некоторые из них затем стали разделами в моих монографиях. В 1990 г. я познакомился с одной чешской эмигранткой, проживавшей в Англии, которую звали Богуслава Брэдбрук (Bohuslava Bradbrook, 1922–2019). В то время она, обеспокоенная тем, что самый популярный европейский писатель совсем не известен в США и в англосаксонском мире, начала работать над книгой о Чапеке. В Оксфорде мы в компании с ней, моей женой и младшим сыном встретились с преподававшим там английским богемистом Джеймсом Нотоном (James Naughton, 1950–2014), и в разговоре с нами он подчеркивал значение издания именно новых переводов на английский язык. Книга Б. Брэдбрук была опубликована в 1998 г., а несколько лет спустя, благодаря редактору Данае Покорной, вышла и в Праге в чешском переводе⁹.

В сравнительно далеком прошлом я занимался Чапеком лишь от случая к случаю в рамках литературной критики¹⁰, в

⁹ *Bradbrook B.* Karel Čapek. In Pursuit of Truth, Tolerance, and Trust. Brighton, 1998; *Bradbrooková B.* Karel Čapek. Hledání pravdy, poctivosti a pokory. Praha, 2005.

¹⁰ *Pospíšil I.* Jedna česko-ruská literární spirála (Dostojevskij – Čapek – Těndrjakov) // Československá rusistika. Č. 5. 1990. S. 257–265; *Pospíšil I.* Genologie a proměny literatury. Spisy Masarykovy univerzity v Brně. Filozofická fakulta. Č. 319. Brno, 1998; *Pospíšil I.* Два полюса бытия: англо-американский эмпиризм-прагматизм и «русская тема» у Карела Чапека // *Związki między literaturami narodów słowiańskich w XIX i XX wieku.* Lublin, 1999. S. 225–233; *Pospíšil I.* Potíže s Karlem Čapkem // *Studie z literárněvědné slavistiky.* Brno, 1999. S. 94–100; *Pospíšil I.* Karel Čapek – przypadek prawie zapomnianego mistrza człowieczeństwa i tolerancji // *Dyskursy i przestrzenie (nie)TOLERANCJI.*

конце 1980-х гг. опубликовал статью и в присутствии знаменитого словацкого компаративиста Диониза Дюришина (он тогда возглавлял исследовательский коллектив, членом которого я также являлся) прочел в Брно доклад о Кареле Чапеке, где рассматривал его творчество на фоне повести В. Тендрякова «Шестьдесят свечей» (1980), в которой тот цитирует рассказ Чапека «Покушение на убийство» из «Рассказов из одного кармана».

Карел Чапек потрясающим образом предугадывал различные угрозы: кроме усиления врожденного человеческого эгоизма, антигуманизма, геноцида, корыстолюбия это и тенденция человечества к самоуничтожению и утрате инстинкта самосохранения, что ощущается уже в его ранних пьесах, например, «Из жизни насекомых». Произведения, которые мы сейчас называем литературой угроз и катастроф, являются и у К. Чапека результатом ужасного кризиса и разрухи под влиянием войны или его размышлений о царящем вокруг безмерном человеческом эгоизме и обострившемся конфликте поколений. От идеалов и иллюзий шиллеровской драмы «Разбойник» или «Адам-творец» путь Чапека лежит к антиутопическим произведениям, таким как, например, «R.U.R.», «Фабрика Абсолюта» или «Кракатит». Думается, что вершиной этой главной линии его творчества является роман

Łódź, 2008. S. 109-118; *Pospíšil I.* Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych // *Primerjalna književnost. Letnik 33. Št. 1.* Ljubljana, junij 2010. S. 131-142.

«Война с саламандрами» (1936), представивший ужасающую картину истребления человечества, которое само виновно в этой катастрофе.

Сергей Никольский своим тонким чутьем знатока литературы увидел все вышеупомянутые сильные стороны писателя и, таким образом, утвердил его вневременное значение.

**Научные труды С.В. Никольского и
современное отечественное фантастоведение**

В научных трудах С.В. Никольского, одного из ведущих отечественных богемистов старшего поколения, наряду с интересными наблюдениями и ценными выводами о национальной специфике чешской литературы, особенностях ее развития, чешско-русских литературных связях, содержится ряд концептуальных положений и методологических подходов, важных для отечественной теории литературы – и в частности, для фантастоведения как одной из ее областей. Данные положения и подходы, заявленные С.В. Никольским еще в конце XX в., сохраняют, на наш взгляд, научную ценность и ныне, на исходе первой четверти XXI столетия.

Принципиально важным для развития российского фантастоведения прежде всего является, на наш взгляд, комплексный подход к исследованию фантастического произведения, предложенный С.В. Никольским во многих его работах¹

¹ См.: *Никольский С.В.* Научная фантастика и искусство иносказания // Советское славяноведение. 1992. № 1. С. 57–71; *Никольский С.В.* В невидимой части ассоциативного спектра... // Славяноведение. 1994. № 5. С. 29–44; *Никольский С.В.* В зеркале иронии и сатиры: скрытые мотивы и аллюзии в прозе М. Булгакова // Известия РАН. Сер. Литература и язык. Т.54. 1995. № 2. С. 51–57; *Никольский С.В.* На грани метафор и аллюзий (О некоторых зашифрованных местах в антиутопиях Булгакова) // Известия РАН. Сер. Литература и язык. Т. 58. 1999. № 1. С. 11–19; *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов). М., 2001.

и ставший ведущим в монографии «Карел Чапек – фантаст и сатирик».

Исследуя жанровую полифонию творчества К. Чапека, С.В. Никольский обращает внимание на богатство форм и способов повествования, присутствующих в книгах чешского прозаика и драматурга. «Интерес писателя к общим философским вопросам развития человечества и макропротиворечий современного мира, внимание к новым жизненным явлениям <...> были источником того, что в его произведениях осуществляется <...> синтез различных форм познания <...> Отсюда и структурно-художественное разнообразие его романов и драм, соединяющих в себе черты философско-художественных построений, научной фантастики, социальной утопии, сатиры, поэтической традиции»². Сатирико-фантастические тексты С.В. Никольский выделяет в особую линию творчества К. Чапека, наиболее ярко раскрывающую особенности его художественного дарования. В монографии неоднократно подчеркивается, что лучшие «произведения Чапека возникли на скрещении путей научной фантастики, социальной утопии, философских жанров и сатиры»³.

Тем самым в исследовании С.В. Никольского выявляется, с одной стороны, главенствующая роль фантастики в раскрытии авторского замысла наиболее известных произведений К. Чапека (пьес «R.U.R» и «Средство Макропулоса»), романов «Фабрика

² *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. М., 1973. С. 34.

³ Там же. С. 4.

Абсолюта», «Кракатит» и «Война с саламандрами»), с другой же стороны – непосредственная связь фантастики с иными формами художественной условности: сатирическим гротеском, философским иносказанием, социальным моделированием, присущим утопии и антиутопии, наконец, приемами, свойственными волшебной фантастике, сказке и легенде. Ведущим лейтмотивом монографии «Карел Чапек – фантаст и сатирик» и главным исследовательским выводом С.В. Никольского можно по праву признать «продуктивность синтеза научной фантастики с иными художественными формами, подходами и решениями»⁴.

Различные условные формы рассматриваются С.В. Никольским в содержательном и художественном взаимодействии, что дает ему возможность как оттенить специфику каждой из них, так и показать их взаимное обогащение, позволяющее Чапеку создавать чрезвычайно емкие художественные образы, по своей символической глубине соответствующие сложной и противоречивой исторической эпохе, в которую создавались романы и драмы чешского писателя. «Чапек вводил читателя в захватывающий мир научной фантастики. Но одновременно этот мир был у него ироническим зеркалом несовершенства и пороков современных общественных отношений <...> Его творчество – царство неистощимой выдумки, философских вопросов и злободневной сатиры»⁵.

⁴ *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. С. 43–44.

⁵ Там же. С. 5.

Именно подобное «синтетическое» понимание художественного вымысла (вторичной художественной условности) как «единства в многообразии» различных ее форм и приемов, по нашему мнению, продолжает оставаться наиболее плодотворным подходом к изучению в том числе и новейшей фантастической (и родственной ей) литературы, как российской, так и зарубежной. Комплексный подход к рассмотрению вымысла позволил С.В. Никольскому показать иерархию и взаимосвязь различных его разновидностей, выстроить единую терминологическую систему, установить смысловую связь понятий «научная фантастика», «художественная условность», «сатирический гротеск», «утопия», «антиутопия», «философское иносказание», «аллегория», «парабола», «притча» и многих иных.

В сфере непосредственно фантастики С.В. Никольский, соглашаясь с мнениями других современных ему отечественных фантастоведов (А. Бритикова, Е. Брандиса, В. Дмитриевского, Е. Парнова) и нередко существенно эти мнения дополняя, стремится показать значимые различия между двумя традициями фантастического повествования, устойчиво связанными в научной практике с именами Ж. Верна и Г. Уэллса. Для С.В. Никольского К. Чапек, вслед за Г. Уэллсом, является одним из создателей особой разновидности научно-фантастического текста – так называемой социальной фантастики. «Чапек действительно внес оригинальный вклад в развитие социальной фантастики, опирающейся на научно-фантастические мотивировки»⁶.

⁶ *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. С. 4.

Принципиальными особенностями данной разновидности фантастики исследователь считает, во-первых, особую функциональность лежащей в основе сюжета вымышленной гипотезы. «Вместе с Уэллсом Чапек развивал ту ветвь художественной фантастики, в которой научно-фантастические допущения служили средством постановки своего рода мысленных социально-философских экспериментов и инструментом критики современной действительности»⁷. Во-вторых, специфику социальной фантастики С.В. Никольский связывает с отсутствием необходимости в подробной мотивации фантастической посылки – что дарует писателю гораздо большую свободу творческой фантазии, нежели при создании так называемой «чистой» (она же «твердая» или «научно-техническая») научной фантастики. По мнению исследователя, Чапеку присуща именно «специфика очень лаконичной подачи научно-фантастического допущения <...> В одном из откликов на пьесу „R.U.R.“ такой лаконизм был назван „мудрым” и „уменьшающим количество возможных натяжек”»⁸.

Приоритет социально-фантастической традиции в европейской фантастике (и особенно в фантастической литературе СССР и Восточной Европы в 1960–80-е гг.) не оспаривается и современным фантастоведением. Однако выдвигание на первый план в 1990–2010-е гг. в странах восточноевропейского региона иного

⁷ *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. С. 5.

⁸ Там же. С. 48.

типа художественного вымысла – волшебной фантастики (фэнтези) существенно снизило внимание и читателей, и исследователей к «фантастике рациональной посылки». Тем самым многие интересные выводы С.В. Никольского и других отечественных специалистов не получили достойного исследовательского продолжения. А термин «социальная фантастика» все реже встречается в новейших научных работах, что представляется нам достойным всяческого сожаления.

Важнейшим теоретическим понятием, позволившим С.В. Никольскому глубоко проникнуть в секреты творческой лаборатории К. Чапека, является понятие «художественная система». «До сих пор наибольшее внимание литературоведов и критиков привлекал творческий путь Чапека, логика его идейной эволюции, – констатирует исследователь. – Слабее изучен Чапек-художник <...> На очереди стоит изучение художественной системы Чапека»⁹. Чапек-художник рассматривается в монографии С.В. Никольского рассмотрены не просто с точки зрения отдельных и частных особенностей их поэтики, но прежде всего как целостные структуры и иерархические цепочки художественных форм, подчиненных в конечном итоге единому многогранному авторскому замыслу. В рамках выявленных в различных произведениях К. Чапека художественных структур исследователь прослеживает конструктивное взаимодействие их отдельных элементов.

⁹ *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. С. 6–7.

Тем самым С.В. Никольский вплотную подходит к постановке проблемы вычленения и характеристики особых «моделей реальности», целокупных «образов действительности», соответствующих различным типам художественного вымысла и учитывающих комплекс самых разных структурных параметров фантастического текста (тип посылки, ее мотивацию, особенности мотивной структуры, сюжетно-композиционной схемы, стилистики и т.п.). Дальнейшее углубление подобного подхода, на наш взгляд, позволило бы современному фантастоведению во многом преодолеть, увы, до сих пор мешающие его развитию несоответствия (как терминологические, так и методологические) самостоятельных научных традиций рассмотрения отдельных типов и форм художественного вымысла.

Нельзя не отметить и общий исследовательский масштаб монографии С.В. Никольского. Подчеркивая, что «склонный к философскому мышлению Чапек стремился к комплексному и целостному постижению мира», российский богемист и сам заимствует данный принцип у любимого чешского писателя. Фантастика К. Чапека предстает в его научном труде в широком сопоставлении с фантастическими текстами самых разных времен и стран – от чешских средневековых легенд о Големе до классических утопий Нового времени и сатиры эпохи Просвещения, что нельзя не признать в высшей степени плодотворным научным принципом, позволяющим ставить вопросы о наиболее общих законах создания и бытования фантастического текста.

Системность и комплексность, анализ функциональности разнообразных художественных форм, поиск внутренних закономерностей развития литературной фантастики и широкое сопоставление содержащих условные конструкции произведений различных национальных литератур и исторических эпох – вот фантастоведческие принципы, которые можно считать научным завещанием С.В. Никольского и последовательное воплощение которых нам хотелось бы видеть в современной отечественной науке о фантастике.

Некоторые аспекты общности и различия позиций и художественных приемов в научно-фантастических драмах

К. Чапека и А.Н. Толстого. По стопам С.В. Никольского

Творчество Карела Чапека привлекало и продолжает привлекать множество как чешских (И. Гаек, Ф. Бурианек, И. Адамович и др.), так и отечественных (О.М. Малевич, И.А. Бернштейн, Е.Н. Ковтун, и др.)¹ литературоведов. Однако заслуженное почетное место среди них занимает советско-российский филолог-славист Сергей Васильевич Никольский, один из основоположников изучения творчества Чапека в нашей стране. В его работах наиболее полно рассмотрены биография, система философских взглядов, творческий путь и непосредственно сами произведения этого писателя. Об особом научном интересе Сергея Васильевича к Чапеку говорит уже тот факт, что именно он являлся одним из основателей московского Общества братьев Чапек, а с 2012 г. и до конца жизни он занимал пост почетного председателя Общества.

¹ См., например: *Buriánek F. Karel Čapek*. Praha, 1988; *Buriánek F. Z literárněvědných studií*. Praha, 1985. S. 71–78; *Vlašín Š. Kniha o Čapkovi*. Praha, 1988; *Kudělka V. Voje o česká dramata v letech 1918–1945*. Praha, 1983; *Малевич О.М. Карел Чапек в воспоминаниях современников*. М., 1983; *Малевич О.М. Карел Чапек: критико-биографический очерк*. М., 1989; *Бернштейн И.А. Карел Чапек. Творческий путь*. М., 1969; *Nikolskij S.V. Karel Čapek*. Praha, 1952; *Никольский С.В. Карел Чапек – фантаст и сатирик*. М., 1973; *Ковтун Е.Н. Карел Чапек и социальная фантастика XX столетия*. М., 1998.

Сергей Васильевич в своих трудах изучал проблему и контактных, и типологических связей между романами и драмами К. Чапека и произведениями других писателей. В частности, в своей статье «К истории знакомства с пьесой К. Чапека “R.U.R.” в России»² он рассматривает в том числе так называемую творческую переработку этого произведения Алексеем Николаевичем Толстым³ в самостоятельную пьесу «Бунт машин» и рассказывает о разных постановках этих двух драм на сцене⁴.

Однако помимо трудов С.В. Никольского, других работ по сравнительному анализу творчества этих двух писателей-современников немного, и все они в большей степени касаются их общественно-политических взглядов и позиций⁵, а не литературного

² *Никольский С.В.* К истории знакомства с пьесой К. Чапека «R.U.R.» в России // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 406–418.

³ Вот что говорил об этом сам Алексей Толстой: «Написанию этой пьесы предшествовало мое знакомство с пьесой “ВУР” чешского писателя К. Чапека. Я взял у него тему» (*Макина М.А.* Творчество А.Н. Толстого 20-х годов (1922–1930 гг.). Л., 1955. С. 76.); а также: «Мое решение взять чужую тему было подкреплено примерами великих драматургов» (*Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 11 тт. Т. 10. М., 1958. С. 48.). Более подробно вопрос литературной переработки рассмотрен нами здесь: *Маслова К.К.* К вопросу «тематического генезиса» в научно-фантастических драмах К. Чапека и А.Н. Толстого // *Вестник славянских культур.* 2017. Т. 44. С. 117–125.

⁴ *Никольский С.В.* Приложение. К истории знакомства с пьесой К. Чапека «R.U.R.» в России // *Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов).* М., 2009. С. 179–190.

⁵ См., например: *Мицц З.Г., Малевич О.М.* А.Н. Толстой в Чехословакии в 1935 году // *Ученые записки Тартусского гос. университета.* Вып. 65: Труды по русской и славянской филологии. 1958. С. 204–214; *Лазарев В.А.*

творчества и конкретных произведений. Полагаем, что это не вполне справедливо, поскольку, по мнению многих исследователей, оба этих писателя являются одними из основоположников научной фантастики в мировой литературе. Именно о творческой связи этих авторов вслед за С.В. Никольским нам хотелось бы поговорить ниже.

В произведении Толстого сюжет пьесы Чапека претерпел большие изменения. Они коснулись как содержания, так и структуры пьесы. Так, вместо драмы в трех действиях с прологом («вступительной комедией»), как это было у чешского автора, у Толстого получилась пьеса в четырех действиях. Модификаций не избежали и герои: изменениям подверглись как их имена, так и характеры. Исключением стала лишь главная героиня пьесы Чапека Елена, главный положительный женский образ. Нельзя не отметить и перемены в самом составе действующих лиц: целый ряд героев «R.U.R.» вообще отсутствует в пьесе Толстого. Это, в частности, персонажи, которые высказывают позицию автора: няня Нана как олицетворение старого мира, религиозного взгляда на жизнь, обличительница прогресса, перерастающего в кару; генеральный коммерческий директор «R.U.R.» Бусман, воплощающий рациональное, циничное начало современного мира, законы рыночных отношений; ряд роботов женского пола, в какой-то

А.Н. Толстой и чехословацкая литературная жизнь 20–30-х годов // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. М., 1963. С. 445–495; и др.

степени дополняющих образ Елены, – Сулла, Девушка-робот. Интересно, что от образа Наны у Толстого остается всего одна функция – служанки при Елене, которую берет на себя Ева. Та, кому предстоит стать одной из прародительниц новых поколений человекоподобных роботов. Интересно, что у Чапека Елена держит при себе служанку-человека, хотя может окружить себя целой армией искусственных слуг. Нана объясняет это так: «Да вы и сами ими брезгуете. На что меня-то сюда привезли? Отчего ни одному из них дотронуться до себя не позволяете? <...> Брезгуете. Такого человека не найдется, чтоб не брезговал»⁶. В пьесе Толстого Елена берет себе в помощницы Еву тоже отчасти именно потому, что та больше всего похожа на человека и к тому же создана по ее собственной задумке: «Ева, так же как и Адам, снабжена всем, присущим натуральному человеку»⁷. Вместо упомянутых выше персонажей появляются новые, оригинальные: революционер-интеллигент Михаил, встающий на сторону «механических роботарей», механический работник Васька (номер 088), один из главных героев Обыватель со своей супругой Фаиной Васильевой. Появление последних в пьесе совершенно размывает грань между реальным миром читателя (зрителя) и собственно произведением беседует то с героями драмы, то с читателями/ (театральной постановкой). Обыватель, к примеру, на протяжении всего действия

⁶ Чапек К. R.U.R. // *Он же*. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 4: Пьесы. М., 1959. С. 123.

⁷ Толстой А.Н. Бунт машин // *Он же*. Любовь – книга золотая. Киев, 1983. С. 73–119.

зрителями в зале. Проработанность образа этого героя отмечает и Корней Чуковский в своем дневнике (запись от 10-го декабря 1923 г.): «"Обыватель" – страшно смешное, живое, современное лицо, очень русское. И, конечно, как всегда у Толстого, милейший дурак. Толстому очень ценно показать, как все великие события, изображенные в пьесе, отражаются в мозгу у дурака. Дурак это лакмусовая бумажка, которой он пробует все. Даже на Марс отправил идиота»⁸. Этому персонажу нет соответствия у Чапека, это совершенно новый герой, носитель национального колорита. Одновременно А. Толстой связывает Обывателя, человека своего времени с фольклорными образами Ивана-дурака и театрального Петрушки. Собирательность данного образа также подчеркивается тем, что зритель на протяжении всей пьесы не имеет представления о его имени. Оно упоминается лишь единожды, и то в конце пьесы, – Иван Миронович. Этот герой призван быть на протяжении всего произведения безымянным, усредненным, чем-то вроде живого народного рупора. Благодаря его присутствию в пьесе она наполнена побасенками, присказками, просторечными оборотами. Обыватель разве что некоторыми чертами схож с чапековской Наной: он так же, как она, являет собой некий глас народа, олицетворение народного начала, носителя живого языка. Однако у Чапека этот образ более серьезен – он призван увещевать, предрекать и проповедовать конец света. Очевидно, что цели ввода этих персонажей в пьесы, несмотря на некоторое сходство, разнятся.

⁸ *Чуковский К.И.* 10 декабря 1923, понедельник // *Он же.* Дневник. 1901-1929. М., 1991. С. 263.

Перерабатывая произведение Чапека, Толстой многое подвергает изменениям: состав персонажей, расстановку семантических акцентов, диалоги и сам ход действия. Однако при этом основная тема «R.U.R.» – бунт машин – сохраняется. Толстой уделяет ей особое внимание, вынося ее в заглавие своей пьесы и наполняя новым звучанием. Он подчеркивает и разворачивает эту тему: уже с первых страниц она проникает во все пласты сюжета. Здесь и бунт против человека-эксплуататора (сцена встречи Моррея с публикой, сопровождающаяся выкриками угроз из толпы), против искусственных людей (образы Михаила, Мальчика и рабочего Джима на баррикадах, теснимых роботарями), бунт искусственных людей против человека (сцена с «самоубийством» 033) и, наконец, человека и искусственных работников против человека-поработителя (Михаил, рассказывающий Адаму, что такое высший закон – свобода; Михаил вместе с работниками против Моррея в финальной сцене на фабрике). У Чапека действие носит более инертный характер, события развиваются неторопливо и предсказуемо, и тем самым создается ощущение неотвратимости развития событий, невозможности изменить их ход. Можно сказать, что автор использует прием саспенса⁹, давая понять, что грядет апокалипсис, которого не избежать. Бунт здесь, скорее, внутренний, некая философская категория, раскрывающая

⁹ От англ. *suspense* – неопределенность, беспокойство, тревога ожидания; приостановка; от лат. *suspendere* – подвешивать.

истинное в Человеке. У Толстого, напротив, бунт вполне реальный, он пронизывает всю пьесу и умножается многократным эхом, из первого одиночного выкрика в бурлящей толпе перерастая в Мировую Революцию под алыми знаменами.

Отдельно следует отметить различия в трактовке образа толпы у Чапека и Толстого. В пьесе «R.U.R.» толпа появляется лишь единожды и состоит сплошь из роботов, она безлика («сто тысяч лиц безо всякого выражения») и ужасающе тиха («Сплошной стеной стоят перед садовой решеткой. Но почему так тихо? Это свинство – осада молчанием»¹⁰). Герои Чапека не столько боятся количества собравшихся роботов, сколько именно этой ужасающей тишины:

Фабри: <...> И в молчании их будто рождается что-то страшное...

Галль: Душа толпы.

Фабри: Нет ничего страшней толпы¹¹.

Здесь толпа сулит смерть и сравнивается героями драмы с потопом: «Уйти от тебя, тысячеглавая смерть, от тебя, взбунтовавшаяся материя, безмозглая толпа. О, потоп, потоп...»¹². В приведенных цитатах чувствуется, что для Чапека, находящегося под влиянием либеральных демократических идей, образ толпы в целом не несет в себе ничего позитивного. Для него важна индивидуальность,

¹⁰ Толстой А.Н. Бунт машин. С. 148.

¹¹ Чапек К. R.U.R. С. 164.

¹² Там же. С. 160.

терпимость и плюрализм взглядов. Чапек, которого часто относят к прагматикам, хотя он разделял далеко не все идеи этого философского направления, высоко ценил так называемый «объективный индивидуализм», при котором человек оценивается как свободное существо, имеющее собственную «драматическую свободу выбора». И даже несмотря на то, что личная ответственность не всегда гарантирует правильность выбора, для автора было важно именно само право человека делать свой выбор самостоятельно. Но именно этого права человек лишается, попадая в толпу. Возможно, с этим связана такая трактовка образа толпы, которую мы находим в его пьесе.

У Толстого образ толпы читается иначе: сплоченное большинство, единая масса противопоставляется индивидуалистам, таким как Александр Морей. Толпа стремится к тому, чтобы объединиться и восстать против порабощающих ее единиц. Вот что она кричит Морю: «Думаешь, твои работники покорны? Мы и их научим ненавидеть тебя...»¹³. Позднее люди действительно объединяются с роботарями и свергают Морю. Мы видим, как при помощи образа толпы конфликт естественного и искусственного перемещается в социальную плоскость: честный угнетаемый рабочий (в равной степени и человек, и роботарь) борется против угнетателя, и в конечном счете толпа борется против индивидуалиста. Прослеживается связка «бунт – массы – революция». Такое понимание вопроса в целом соответствует марксистской философии, в русле которой рассуждает Толстой.

¹³ *Толстой А.Н.* Бунт машин. С. 78.

Художественные принципы, нашедшие отражение в научно-фантастической драме Толстого, вполне отвечают реалистическому подходу к изображению действительности. У Толстого, наряду с использованием условности, гиперболизации, фантастичности, построение образов и сюжета гораздо более реалистично, чем у Чапека. «Бунт машин» характеризуется обилием живых бытовых сцен, здесь четко обозначена социально-политическая характеристика героев. В связи с этим пьесе Толстого присуща гораздо большая схематичность, чем пьесе Чапека.

Несмотря на то, что «Бунт машин» Толстого не сыграл в истории русской литературы такой весомой роли, как «R.U.R.» К. Чапека в истории литературы чешской (и не только), пьеса представляется интересной для исследователей, прежде всего, в связи с тем, что в ней отразился переломный момент в творчестве писателя – возвращение на Родину и адаптация к новым реалиям страны. На основе драмы чешского автора Толстой создает свое произведение с колоритными народными персонажами и подчеркнута политизированным звучанием.

**«Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан
как литературный памятник**

«Чешская хроника» пражского каноника Вацлава Гаека из Либочан (конец XV в. – 1553) со времени своего первого издания в Праге в 1541 г. стала наиболее популярным сочинением по чешской истории как в самом чешском обществе, так и во всей Европе, поскольку уже в конце XVI в. она была переведена протестантом Иоганном Занделем с чешского на немецкий язык. Такой статус она сохраняла вплоть до начала XIX в., что подтверждается фактом ее факсимильного издания в Праге в 1819 г.

Специально надо отметить отсутствие консенсуса между историками и литературоведами по поводу интерпретации средневековых и ренессансных хроник как литературного жанра. В отличие от древнерусских летописей, давно признанных памятниками и литературы, и историографии, точнее, историописания, западная хронистика рассматривается, прежде всего, как феномен средневековой историографии, служащий для потомков источником исторической информации.

Казус Вацлава Гаека имеет совершенно другой характер, ибо в «Чешской хронике» достоверная историческая информация сознательно растворена в море авторских выдумок («исторических фейков») с целью создания чешского исторического мифа.

Как отмечают все исследователи, автор на страницах своего сочинения создал патриотическую концепцию чешской истории, основанную на католической интерпретации прошлого и прославлении чешских дворянских родов. Гуситскому движению отводилась роль, прежде всего, борьбы с немецкой агрессией, что смягчало интерпретацию католиками гусизма как ереси. Такой подход отвечал идее консолидации чешского общества постгуситского времени, расколотого по конфессиональному признаку. Также причиной широкой популярности хроники Гаека в Чехии был особый стиль повествования, который можно определить как беллетризацию истории, стремление автора предоставить читателю увлекательное чтение. Изложение событий ведется автором по годам, в соответствии со средневековой традицией хронистики, и доводится до коронации Фердинанда Габсбурга чешской короной в 1526 г.

Как исторический источник хроника Гаека почти на три века стала основой сведений по истории чехов и Чехии. Из нее черпали информацию как чешские авторы, так и зарубежные. Благодаря беллетризации истории в тексте хроники в изобилии встречаются всевозможного рода вымыслы, домыслы, легенды, выдаваемые за исторические факты. Поэтому в источниковедческом плане хроника Гаека представляет собой крайне сомнительный текст. Разоблачению ее как исторического источника в 1760-х гг. отдал много сил Гелазиус Добнер, исходивший из дискурса эпохи Просвещения с ее культом рациональности. Ожесточенная

полемика вокруг критики Добнером хроники Гаека была, прежде всего, вызвана тем, что она разрушала ту идеологию, которую можно назвать «чешский исторический миф», укоренившийся в сознании чешского общества эпохи Барокко, сопровождавшейся в Чехии потерей политической независимости. В условиях господства Габсбургов этот миф обеспечивал чехам континуитет национально-исторического и культурного самосознания, покушение на которое квалифицировалось как святотатство. В дальнейшем переживавшая этап становления чешская профессиональная историческая наука в лице Ф. Палацкого закрепила крайне негативную оценку Гаека как «самого крупного разрушителя здания истинной чешской истории и шарлатана»¹. В российской исторической богемистике аналогичная оценка нашла свое выражение в известной книге Л.П. Лаптевой «Письменные источники по истории Чехии периода феодализма» (МГУ, 1985). Она категорически утверждает: «Гаек многое из прошлого не знал вовсе, другое знал поверхностно, документы читал небрежно, переводил и толковал их без ясного понимания и произвольно. Нравственная позиция хрониста непостоянна, подчас он впадал в безразличие. Понятно, что когда историк такого толка встретился с научной критикой нового времени, приложившей к хронике мерку исторической объективности и этической бескомпромиссности, то он предстал перед ее судом как сознательный лжец и фальсификатор»².

¹ Цит. по: *Лаптева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 76.

² Там же.

Примерно в тех же выражениях еще раньше оценил хронику Гаека известный чешский представитель исторической науки Ф. Кутнар. Он подчеркивает субъективизм Гаека, указывает на то, что современники увидели религиозную и политическую «партийность» его хроники и обилие в ней вымыслов. Ф. Кутнар стремится к объективной оценке хроники Гаека, различая ее содержание и то влияние, которое она оказала на чешское общество «эпохи тьмы», называемой теперь эпохой Барокко. Он указывает на то, что метод Гаека – это неверный путь развития ренессансной фабулизации истории, само сочинение пражского каноника не является тем важным, значимым текстом, которое обозначило бы движение вперед в чешской историографии. Большое значение хроника приобретает в эпоху упадка национальной жизни в XVII – начале XIX в. благодаря своей четкой патриотической тенденции. Из сочинения, прославляющего католицизм и шляхту, она становится народным чтением, возбуждающим историко-патриотические чувства, гордость за свое прошлое. Она поддерживала и усиливала национальное сознание в самые тяжелые периоды, сохраняя живой языковой континуитет, поскольку хроника написана на хорошем чешском литературном языке. Примечателен главный вывод Ф. Кутнара: хроника Гаека несмотря на все конкретные и методические недостатки, несмотря на то, что она не стала вершиной гуманистической историографии, а наоборот, затормозила развитие свободного исторического знания, является неотъемлемой и типической частью чешской историографии,

заслуживающей нового изучения прежде всего с точки зрения ее влияния на чешскую культуру³.

Собственно, по этому пути начиная с 1980-х гг. пошли некоторые чешские литературоведы и историки чешской историографии. Известный литературовед Ярослав Колар, впитавший традиции знаменитого Пражского лингвистического кружка, руководимого Р. Якобсоном и Я. Мукаржовским, издал фрагменты из хроники Гаека как литературный текст. В своем предисловии под заголовком «Хроника Гаека и чешская культура»⁴ Я. Колар обосновывает понятие «эпический нарратив» применительно к Гаеку и рассматривает его «вранье» в ином ракурсе. Вымыслов больше всего содержится в той части хроники, где повествуется о событиях до 1000 г., т.е. о мифической чешской древности. Я. Колар считает, что для Гаека было прежде всего важно дать читателю целостное повествование, стилизованное под средневековую анналистику, поэтому собственно мифы и легенды у него имеют четкую хронологическую датировку. Исследователь высоко ставит мастерство Гаека-рассказчика, повествователя. Он видит в нем представителя чешской ренессансной культуры, создателя текста, наметившего переход от средневековой хронистики к жанру исторического романа в понимании Нового времени. Я. Колар также

³ *Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepiscetví. Praha, 2009. S. 75-79.*

⁴ *Kolár J. Hájkova kronika a česká kultura // Václav Hájek z Libočan. Kronika česká. Praha, 1981. S. 7-24.*

отмечает двойственность текста. Гаек о своем материале знает абсолютно всё, начиная с дат и кончая прямой речью персонажей. Это, с одной стороны, связывает его текст с традиционной средневековой историографией (анналистикой, хронистикой), с другой стороны – с собственно литературой, с фиксацией эпического события и речи героев. При этом рассказ о чешском язычестве опирается у Гаека на античную мифологию, что явно отражает ренессансный дискурс всего произведения. Я. Колар также отмечает особенности структурирования текста Гаека. Его рассказ, особенно в первых частях, свободно фабулизирован. Каждый год содержит одну (иногда несколько) эпическую единицу, созданную в различных повествовательных манерах. Однако в рамках событий одного года повествование тяготеет к определенной сжатости, хотя само крупное событие может растягиваться им на несколько лет. Я. Колар подчеркивает, что хроника Гаека в конце XVI в. воспринималась не только как исторический труд, но и в своем литературно-художественном формате как большой и увлекательный нарратив. Ей подражали, не достигая ее литературных качеств (например, «Фундация, или Основание города Клатовы» Яна Клатовского, 1599 г.). Наиболее ранний пример подражания хронике Гаека и заимствований из нее представляет собой сочинение *Historiae regni Boemiae* (1552 г.) оломоуцкого епископа Яна Дубравиуса.

Аналогично оценивает хронику Гаека историк Зденек Бенеш в книге «Исторический текст и историческая действительность.

Исследование о принципах чешской гуманистической историографии⁵. Он называет ее особым «типом исторического текста», в котором фабульность и эпистемологичность существенно дополняют анналистичность изложения. Гаек, в отличие от средневековых хронистов, дает не сообщения о событиях, а развернутые рассказы о них. Приводимая им точная датировка событий чешской дохристианской истории имеет большой смысл, так как он тем самым вводит этот период в чешскую историю в собственном смысле слова, утверждая подлинность, достоверность этих событий. Предания, легенды средневековых хронистов обретают статус исторического факта. Сообщения старых хроник Гаек использовал как «открытый текст», внося свои дополнения фабульного характера. З. Бенеш относит хронику Гаека к тому типу гуманистической историографии, которую обычно называют беллетризирующей и к которой относятся также сочинения мораванина Яна Дубравиуса, польско-чешского автора Бартоломея Папроцкого, а несколько ранее в Польше – знаменитый труд Яна Длугоша «История Польши».

Для этого типа сочинений характерны три главные черты, отличающие его от позднейших правил исторической науки. Во-первых, это придумывание новых исторических фактов, о которых ранее нигде не было упоминаний, но которые, по мнению наших авторов, должны были иметь место. Исходя из своей общей

⁵ *Beneš Z. Historický text a historická skutečnost. Studie o principech českého humanistického dějepisectví. Praha, 1992. S. 66-76.*

концепции истории, авторы, наоборот, замалчивали известные события, если они не соответствовали их представлениям о том, как должны были развиваться эти события. Во-вторых, это организация материала в эпистемологическую систему, характеризующуюся стремлением к последовательной хронологии даже ценой вымышленных датировок. В-третьих, стилистическая зависимость от использованных текстов. Замечу в скобках, что последнее качество отнюдь не является отличительной особенностью только данного типа текстов. З. Бенеш выступает за объединение собственно исторических и литературоведческих методов исследования хроники Гаека, что позволит научно, объективно и адекватно оценить ее место в развитии чешской культуры.

Последний чешский академический компендиум по истории чешской литературы относит хронику Гаека к периоду расцвета чешского гуманизма, отмечая, однако, что по своему характеру она принадлежит позднесредневековой хронистике⁶. Гаек не был историком-гуманистом, поскольку ему чужд критический подход к источникам, которые он, наоборот, дополняет своими вымыслами. Своей популярностью хроника обязана повествовательному мастерству Гаека, чей труд стал источником сюжетов для многих произведений чешской культуры последующих веков.

⁶ *Lehár J. Humanismus // Lehár J., Stích A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2002. S. 117–118.*

Такой подход современных литературоведов противостоит мнению Я. Колара и в особенности З. Бенеша, усматривавшего именно в беллетризации исторического повествования новый ренессансный дискурс, направленный не в сторону объективного знания, а к созданию нового литературного жанра – исторического романа.

В ставшей уже знаменитой «Истории литератур западных и южных славян» под редакцией С.В. Никольского, Л.Н. Будаговой и А.В. Липатова, первый том которой вышел в 1997 г., В.В. Мочалова рассматривает хронику Гаека как явление чешской прозы, выделяющееся на фоне чешской хронистики, так как она «написана талантливо». В.В. Мочалова относит ее к ренессансному типу историописания, поскольку она представляет собой «честолюбивую попытку написать историю Чехии в духе античной историографии»⁷.

Итак, оценка хроники Гаека сводится к проблеме «история contra литература» или же к проблеме их синтеза? У Гаека историческая ретроспектива предстает как поле для сотворения фейков, и исследователи должны выявлять их цели, задачи и формы воплощения, изучать хронику Гаека, имеющую огромное значение для всей чешской культуры, именно как литературный памятник в целостности всех его компонентов.

⁷ Мочалова В.В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 654.

Русская литература в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (журнал «Маяк»)

Проблемы русско-чешских литературных связей в Чехии активно разрабатывались в эпоху «нормализации», в частности, в трудах М. Заградки, Д. Кшицовой, О. Рихтерека, Я. Йиши и др. В нашей стране к этой теме обращались, прежде всего, С.В. Никольский, Л.Н. Будагова, Н.К. Жакова. Результатом этих исследований стало несколько сборников и монографий. Роль Сергея Васильевича в налаживании научных и изучении литературных чешско-русских отношений переоценить невозможно. Важной вехой в разработке этой темы послужил вышедший в конце 1980-х гг. и написанный по следам конференции коллективный труд в двух томах «Материалы к чехословацко-советским литературным отношениям»¹, где рассматривается восприятие русской литературы в чешской периодике преимущественно межвоенного периода, и для первого тома С.В. Никольский написал обстоятельную вводную статью. В наших работах мы продолжаем изучать рецепцию русской литературы в чешской периодике, ограничившись 1920-ми гг., с одним значительным, на наш взгляд, отличием. Литературные пристрастия как читателей, так и авторов этих периодических изданий были тесно связаны с их политическими взглядами и часто ими определялись. В связи с такой

¹ Materiály k československo-sovětským literárním vztahům. Sv.1, 2. Olomouc, 1989, 1990.

политизированностью восприятие русской литературы чешской периодикой следует дифференцировать в зависимости от идейной направленности того или иного издания. Разумеется, по очевидным причинам, связанным с идеологизированностью гуманитарной науки, эта особенность не могла и не принималась должным образом во внимание учеными второй половины XX в., что мы, в свою очередь, стремимся восполнить.

«Маяк» (*Máják*, 1924–1939, главный редактор Власта Борек) – пражский журнал левой ориентации, издававшийся сначала ежемесячно, а потом дважды в месяц, возникший как преемник издания «Социалистический безбожник» и являвшийся органом печати Союза социалистических безбожников (с 1926 г. – Союза пролетарских безбожников). По отбору материалов он был близок журналу «Пролеткульт» – здесь выходила как марксистская публицистика, так и художественная литература соответствующей направленности. «Маяк» изобилует переводами русских революционеров (П.А. Кропоткина, Н.И. Бухарина, В.И. Ленина) и статьями о них с биографическими справками. Публикуются здесь и другие теоретические работы, статьи о советской экономике, политике, социальном устройстве. Имеются нападки на эмигрантов, которым чешское правительство выделяло огромные деньги, в то время как на инвалидов оно средств не находило. В отличие от других левых изданий журнал «Маяк» придерживался агрессивных антиклерикальных взглядов, его страницы пестрят многочисленными карикатурами на церковь и священнослужителей, заметками и статьями о вредности религии и христианства

в частности. Значительное внимание уделяется советской науке, в том числе, например, рассказывается об историке М.Н. Покровском², приводится интервью с Ю.А. Филипченко о пользе браков между близкими родственниками (при этом церковь обвиняется во вредительстве в связи с препятствованием им)³.

Из художественных произведений в детском разделе публикуется «Староста в церкви» П. Майского⁴. Также были напечатаны выдержки «Из письма Фельдфебелю»⁵ Л. Толстого, причем «нарезка» на полстраницы была сделана так, что вышел практически набор политических тезисов. Кроме того, журнал имел романное приложение, в 1929 г. там вышел «Остров Эрендорф» В. Катаева.

Литературоведческие заметки и статьи о русской литературе в этом издании были исключительно тенденциозны. По большей части это небольшие рецензии на вышедшие по-чешски книги. Полноценными критическими материалами являются переводы — это работа Е.М. Ярославского «О Толстом и толстовцах»⁶ (без указания переводчика), где автор признавал его заслуги в создании идейной почвы для крестьянской революции с его стремлением

² *Revolucionář vědy // Maják. Ročník 5. Číslo 10. 15.11.1928. S. 126–127.*

³ *Manželství mezi blízkými příbuznými // Maják. Ročník 6. Číslo 2. 15.01.1929. S. 18–19.*

⁴ *Majskij P. Starosta v cerkvi // Maják. Ročník 6. Číslo 23. 01.12.1929. S. 327–328.*

⁵ *Tolstoj L. Z listu šikovateli // Maják. Ročník 1. Číslo 6. 15.09.1924. S. 78.*

⁶ *Jaroslavskij Em. O Lvu Nikolajeviči Tolstém a „tolstojovcích“ // Maják. Ročník 5. Číslo 4. 15.08.1928. S. 45–46.*

уничтожить крупноземельные владения и церковь, и выдержки из вышедшей в «Коммунистическом издательстве» (*Komunistické nakladatelství*) брошюры «Ленин о Толстом» под заголовком «Как Толстого отлучили от церкви»⁷. Даже в кратких рецензиях редакция могла отдать предпочтение цитате кого-то из советских исследователей – например, в отклике⁸ на повесть Ю.Н. Либединского «Неделя» характеристика произведению дана через цитирование высказывания Бухарина о том, что это пульс великой революции.

Единственным относительно самостоятельным критическим материалом по русской литературе является здесь краткая статья «Русская революционная литература», поводом к которой стала вышедшая одноименная книга И. Вайля⁹. Критик, подписавшийся двумя буквами «-st-», половину объема текста посвятил восхвалению революции и далее утверждал, что в литературе главное изменение было в обрушении бумажной пирамиды довоенной литературы, избавлении от всяких –измов и в том, что она стала простой и народной, а главные ее поэты – это А. Гастев, В. Александровский и В. Казин (при этом Вайль цитировался без кавычек). Саму книгу критик назвал слишком тоненькой для

⁷ Kterak byl Tolstoj vyobcován z církve // Maják. Ročník 5. Číslo 8. 15.10.1928. S. 95–96.

⁸ Příběh jednoho týdne // Maják. Ročník 4. Číslo 18. 15.03.1928. S. 222.

⁹ О первых монографиях по советской литературе см.: Амелина А.В. Образ русской литературы в чешских межвоенных литературоведческих монографиях // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2019. С. 103–115. DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4.7

своего заголовка и преждевременной. По его мнению, Вайль занимается старой, сброшенной с пьедестала поэзией больше, чем новой: «Только там, где он обращается к некоторым отдельным произведениям последних лет, заметно по-настоящему резкое идейное движение, но никак не уверенность, что Вайль прав в своем воодушевлении, с которым принялся писать книгу. Самой удачной и достойной внимания является глава о новой русской прозе и Всеволоде Иванове. И путь, которым Вайль должен был пойти, чтобы наши люди не были в рядах презирующих новую русскую литературу. Мы хотим от него разборов и исследований новых самых значимых произведений документального значения, а не описаний хаоса, вызванного революцией в среде русских литераторов»¹⁰.

Классическая литература была в журнале представлена исключительно Л.Н. Толстым. Помимо указанных выше переведенных материалов, дается еще несколько заметок о русском писателе в связи с празднованием его юбилея, в частности сообщается о выходе в «Коммунистическом издательстве» произведений русского классика и статей о нем Ленина, где разбирается и оценивается значение Толстого для революции¹¹. Очевидно, выбор редакции пал на Толстого в первую очередь в связи с его конфликтом с церковью.

Современная советская литература представлена в журнале, на удивление, очень скромно. Несколько раз сообщается о новинках советского книжного рынка с упоминанием произведений

¹⁰ -st-O ruské revoluční literatuře // Maják. Ročník 1. Číslo 3. 15.05.1924. S 45.

¹¹ K stému výročí Tolstého narozenin // Maják. Ročník 5. Číslo 5. 01.09.1928. S. 66.

П. Иванова, Д. Лебедева, П. Ярового, М. Кольцова, М. Горького, А. Поповского, А. Серафимовича, Ю. Слезкина, а в разделе «Литература» к прочтению рекомендуются книги Г. Венуса «Война и люди (Семнадцать месяцев с дроздовцами)», Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева». В отличие от других левых изданий ни слова не говорится о главных в их среде советских авторах – В. Маяковском и М. Горьком (о последнем приводятся лишь сообщения разного рода с упоминанием его имени), тем более отсутствуют публикации о популярном тогда в Чехии С. Есенине.

Публикуются две рецензии на чешское издание «Отступника» В. Лидина, где произведение характеризуют как захватывающую картину, полную хорошо прописанных типажей, которая будет очень интересна рабочим¹², его называют следующим уровнем развития революционной литературы, изображающей не революцию, а реальную жизнь пролетарской России, и утверждают, что автор вырастает в настоящего классика¹³. Также печатаются две рецензии на чешское издание «Колоколов» И. Евдокимова: автора отнесли к тем писателям, в которых революция вдохнула силу для роста и размаха, а этот роман вывел его в первые ряды советских писателей¹⁴. Выходит рецензия на «Цемент» Ф. Гладкова – роман о повседневной жизни рабочих, которую автору удалось показать так, чтобы было понятно стороннему наблюдателю¹⁵.

¹² „Odpadlík“ // Maják. Ročník 6. Číslo 13. 01.07.1929. S. 193.

¹³ „Odpadlík“ // Maják. Ročník 6. Číslo 17. 01.09.1929. S. 250.

¹⁴ Ivan Jevdokimov: Zvony, román // Maják. Ročník 4. Číslo 12. 15.12.1927. S. 154.

¹⁵ Cement // Maják. Ročník 3. Číslo 20. 15.04.1927. S. 260.

Печатается рецензия на «Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина» Вс. Иванова (первые два слова из названия в чешском издании были удалены) – по мнению критика, одного из самых интересных прозаиков Советской России, нашедшего благодарных читателей среди чехов; автор заметки рассуждает, понравилось бы герою в Чехии или нет, и говорит, что чехословацкий читатель должен завидовать вернувшемуся домой и начавшему жить спокойной жизнью герою¹⁶.

В этих рецензиях едва ли оценивается художественный уровень произведений и часто делается акцент на достоверности документирования самой эпохи, как будто именно это является главным мерилем ценности литературы вообще. Кроме того, неоднократно отмечается присутствие описаний жизни простых рабочих, что, вероятно, по мнению редакции, должно привлечь читающий пролетариат и дать ему напутствие.

В связи с общей культурой издания следует заметить, что тексты, написанные изначально на иностранных языках, приводились на чешском, как правило, без указания переводчика и каких-либо пояснений об авторах. Есть случаи, когда в рецензии не указывался даже автор произведения (как, например, у «Колоколов» Евдокимова). Кроме того, в связи с вопросом отбора материала для критических заметок нужно сказать, что за редким исключением все рецензируемые книги выходили в «Коммунистическом

¹⁶ Vsevolod Ivanov: Podivuhodná putování křejčího Fokina // Maják. Ročník 3. Číslo 7. 01.10.1926. S. 79.

издательстве», что наводит на мысль об аффилированности с ним. Впрочем, доказательств этого нами найдено не было.

Таким образом, можно сделать вывод, что издание «Маяк» демонстрирует очень ограниченный интерес к русской литературе, обусловленный, в первую очередь, публикуемыми в «Коммунистическом издательстве» книгами, антиклерикальным характером произведений, а также исключительной утилитарностью подхода к художественным текстам в целом (документальность, практическая применимость на чешской почве). По этой причине в «Маяке» полностью отсутствует поэзия, а отбор прозаиков выделяется даже на общем фоне радикальных левых газет и журналов.

Словацкий рассказ 1960–1970-х гг. (взгляд из 2000-х)

Выбор периода и ракурса рассмотрения данного материала словацкой прозы обусловлен размышлениями по поводу первоначальной темы кандидатской диссертации, над которой автор начал работать в далеком 1973 г., поступив в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР, в тогдашний сектор славянских литератур, которым руководил С.В. Никольский. В дальнейшем тема трансформировалась и уточнялась, однако основные проблемы и круг писателей, чье творчество оказалось в центре литературного развития второй половины XX в., сохранили свою значимость и актуальность.

Рубеж 1950–1960-х гг. был временем политической «оттепели», либеральных настроений и надежд на реформы, поиска нового, «человеческого» лица в политике и культуре. Одним из наиболее заметных явлений этого периода в литературе стал приход в нее новой волны молодых поэтов и прозаиков. Первые книги молодых явились своего рода внутренней литературной полемикой с предшествующим поколением писателей. В стремлении преодолеть рутину соцреализма молодые авторы обращались к новым темам современной будничной жизни, к нравственным проблемам своих сверстников. Картина словацкой прозы в 1960-е гг. изменилась и в жанровом отношении. Для большинства молодых авторов, особенно на начальном этапе, малые жанры, и

в первую очередь – рассказ, стали формой наиболее адекватного самовыражения.

Критика того времени увидела и оценила их новаторство, особенно очевидное на фоне крупных эпических произведений конца 1950-х. Ю. Ногге замечал: «Молодая словацкая проза в большей своей части – это не литература “больших тем”»; «прозаики предлагают читателю не масштабные концепции, а то, что есть в них самих, что они знают – свое детство, хороший и печальный опыт своей молодости, мечты, иллюзии и разочарования»¹. «Ставшая уже затертой фраза о человеке как главном объекте искусства становится реальностью лишь теперь, в произведениях этих молодых прозаиков, – подчеркивал Я. Штевчек, – они исходят из более субъективного и углубленного видения действительности»².

Особенно отчетливо видятся специфические черты героя молодой прозы в сопоставлении с крупными произведениями социалистического реализма 1950-х – начала 1960-х гг. Так, В. Петрик отмечал стремление молодых «показать человека изнутри, в его естестве – в отличие от авторов прежних книг, где человек трактовался в первую очередь как представитель своей социальной группы»³. Еще более развернуто проводит такое сопоставление критик М. Гамада, ровесник и соратник молодых

¹ *Nogge J.* Literatúra v pohybe. Bratislava, 1968. S. 192.

² *Števček J.* Od literatúry k poznaniu // Kritika 64. Bratislava, 1965. S. 183.

³ *Petrík V.* Hľadanie prítomného času. Bratislava, 1970. S. 108.

писателей, рассматривая в качестве примера лишь одну из книг: «Если большинство наших прозаиков среднего поколения представляет человека как существо общественное и нередко сводит его характеристику к социально-политической составляющей, то Йоганидес сосредоточивается только и исключительно на человеке как существе частном, носителе определенного психофизического содержания»⁴.

Выступления М. Гамады вызвали ответную реакцию крупнейшего представителя упомянутого им тогдашнего «среднего» поколения – В. Минача. На страницах литературной периодики между ними завязалась острая полемика, по самому своему характеру не оставлявшая надежд на сближение позиций, поскольку проблемы молодой литературы рассматривались с разных точек зрения. В. Минач был убежден в чужеродности нового видения человека в произведениях молодых авторов, подверженных, по его мнению, влиянию модных течений западной литературы.

М. Гамада воспринимал этот спор как принципиальное столкновение позиций двух поколений и даже двух идеологий. «В действительности речь идет о новом и ином мировосприятии моего поколения, – писал он в статье «Не за экзистенциализм – за экзистенцию человека!», – фатализм или вера Минача в то, что история неотвратимо движется к оптимистическому разрешению, никак не удовлетворяет наше поколение <...> Этический аспект

⁴ *Hamada M. V hľadání významu a tvaru.* Bratislava, 1966. S. 186.

мы воспринимаем как в высшей степени политический, и то, что иные считают всего лишь исторической ошибкой, мы называем деградацией человечности⁵.

Многие из начинавших свой творческий путь в 1960-е гг. остались в литературе надолго, составив ее основу, центральный и наиболее плодотворный идейно-художественный фундамент. Их творческие и человеческие судьбы складывались впоследствии по-разному, однако уже дебютные книги стали для каждого не только визитной карточкой, но и серьезной заявкой на свой особый путь в словацкой прозе XX в. О новизне творческого мировосприятия молодых говорили сами названия их первых книг: «Мечта приходит на станцию» (1961) А. Гикиша, «Нейлоновый месяц» (1961) Я. Блажковой, «Там, где пьют радуги» (1962) А. Худобы, «Личное» (1963) Я. Йоганидеса, «Дом для живых» (1963) П. Балги, «Последние» (1963) Й. Кота, «Послеполуденный отдых на террасе» (1963) П. Яроша, «Не аплодируйте на концертах!» (1964) В. Шиккулы, «Вернется некто другой» (1964) Д. Кужела, «Нарцисс» (1965) Р. Слободы, «Воспитание чувств в марте» (1965) П. Виликовского, «Путь на морское дно» (1966) Я. Ленчо, «Документы о видах» (1966) П. Груза, «Бегство на зеленый луг» (1967) Л. Баллека и др.

Одной из первых книг молодого поколения стала новелла Антона Гикиша «Мечта приходит на станцию». «Производственный»

⁵ *Hamada M.* V hľadání významu a tvaru. S. 237.

сюжет еще вполне соответствовал критериям социалистического реализма, однако служил во многом лишь фоном для раскрытия отнюдь не одномерных характеров. Герои Гикиша – люди неуспокоенные, часто страдающие, кто – от старых душевных ран, оставленных войной, кто – от неразделенной любви, кто – от страха перед настоящим. Новизну в характеристике персонажей вносило использование автором разных форм внутренней речи, а также средств монтажа, экспрессивной разбивки текста.

Своего рода феминистский экспрессионизм демонстрировала в своей прозе 1960-х гг. Ярослава Блажкова. Молодая героиня ее дебютной книги «Нейлоновый месяц» чувствует и действует вне общепринятых шаблонов. Ее стихия – естественность и свобода, яркость и индивидуальность; новелла изобилует гиперболами и экспрессивными образами.

Опубликованный в 1963 г. сборник Яна Йоганидеса «Личное» вызвал большой интерес и читателей, и критики. Уже в самом названии заключался полемический настрой: ведь идейная направленность литературы тех лет предполагала главенство коллективного, социального начала. Непривычными были и пессимистическая тональность, и подробные углубленно-психологические описания душевного состояния человека, и сам способ повествования.

Жизнь современного молодого человека в большом городе – предмет изучения Петера Яроша в новелле «Послеполуденный отдых на террасе». В прихотливом развитии сюжета, в склонности

к гротеску можно заметить черты, ставшие определяющими для его творчества.

Винцент Шикула заявил о себе в 1960-е сразу двумя книгами: в 1964 г. вышли его сборники «Не аплодируйте на концертах!» и «Может, я построю себе бунгало». Первый состоит из коротких рассказов, представляющих эпизоды из жизни солдат-новобранцев, которые оказались в непривычных условиях вынужденного коллективизма и жесткой дисциплины. Уже в этом дебюте писателя ощущался раскрывшийся впоследствии потенциал гуманиста и тонкого психолога. Во втором сборнике, наряду с фабульными рассказами, есть новеллы, выделяющиеся по стилю и композиции; среди них – баллада в прозе «Мандуля», ритмически структурированная, наполненная атмосферой таинственности и печали; в ней ощутимы идейно-художественные традиции словацкого натурализма с его психологизмом, вниманием к индивидуальному, к загадкам души человека.

Становится, таким образом, очевидным, что в молодой словацкой прозе 1960-х гг. малые жанры выполняли функцию первооткрывателя новых идейных концепций, новой поэтики. Сами они претерпевали при этом значительные изменения, модифицируясь в соответствии с художественными целями и творческой индивидуальностью писателей.

Радикальные изменения произошли в словацкой литературе в результате общественно-политических потрясений, после подавления реформаторского движения 1968 г. «Состояние в культуре

было настолько депрессивным, что большая часть среднего и младшего поколения ушла во внутреннюю эмиграцию. Об этом свидетельствует молчание на протяжении нескольких лет значительной части писателей (В. Шикула, Р. Слобода, Я. Йоганидес, П. Виликовский, А. Гикиш и др.). Постепенное возвращение началось лишь после 1975 г.»⁶. 1970-е гг. стали для словацкой литературы периодом переоценки прошлого и ухода от необходимости отражать действительность времен «нормализации».

Подъем исторической прозы со второй половины 1970-х гг. был связан и с потребностью соотнесения проблем национальной истории с настоящим. Писателями-«шестидесятниками» были созданы крупные прозаические произведения с тематикой недавнего или более отдаленного прошлого, разнообразные по проблематике, стилю, авторским стратегиям. В их числе трилогия В. Шикулы «Мастера» (1976–1979) и его роман «Матей» (1984); романы П. Яроша «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Не видело ухо, не слышало око» (1984); романы Я. Йоганидеса «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) и «Самая печальная оравская баллада» (1988), а также романы Л. Баллека «Помощник» (1977), «Акации» (1981), «Лесной театр» (1987), трилогия И. Габая «Колонисты» (1980–1986) и др. Проза «нового историзма» была явлением неоднородным как в идейно-художественном, так и в жанровом

⁶ *Marčok V.* Skreslenia a Pravda v doterajších pohľadoch na vývin slovenskej literatúry po roku 1945 // *Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrik V.* Biele miesta v slovenskej literatúre. Bratislava, 1991. S. 92–93.

отношении; среди произведений этих лет встречается и социальный роман (В. Шикула, П. Ярош, И. Габай), и психологический роман с элементами детектива (Я. Йоганидес), и роман-биография (А. Гикиш, В. Шикула).

Жанр рассказа, столь любимый «молодой прозой 60-х», надолго уступил свое ведущее место роману. Его новые образцы и новые формы мы увидим лишь в 1980-е гг., в пору постепенного ослабления идеологического давления на культуру и нарастания процессов, подготовивших в итоге «нежную революцию» 1989 г.

**Никольский дискурс в творчестве М.А. Булгакова:
сочетание монархического и мифологического**

Образ Николы в булгаковских произведениях является одним из важных элементов мифологического подтекста. При этом никольские коннотации связаны в основном с зимним антуражем – практически нет ассоциаций с Николой Вешним, хотя будущего писателя, как известно, крестили (в киевской церкви Николая Доброго) через неделю после этого праздника – 30-го мая 1891 г.

Никола Зимний у Булгакова настолько важен, что может «вторгаться» в летние события. Так, в повести «Роковые яйца» наступающие на Москву полчища гигантских пресмыкающихся остановлены лишь его чудесным вмешательством: «В ночь с 19-го на 20-е августа 1928 г. упал неслыханный, никем из старожиллов никогда еще не отмеченный *мороз*. Он пришел и продержался двое суток, достигнув *18 градусов*» [2: 143¹]. Соответствующая глава имеет название «Морозный бог на машине» – каламбурно обыгранна формула *deus ex machina*. Характерно, что нашествие «гадов» на Москву в изображении Булгакова прямо напоминает наполеоновское; явственна отсылка к X главе «Евгения Онегина»:

¹ Цитаты из булгаковских текстов приводятся по изд.: *Булгаков М.А. Собрание сочинений* в 8 тт. М., 2007–2011, с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах наш.

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?²

В булгаковской повести чудесным помощником оказывается Никола, с которым, собственно, связано происхождение понятия и самого фразеологизма «русский бог»³.

Похожий случай видим в пьесе «Бег», где в первой же фразе звучит обращение к Николе – монахи в подземелье поют: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...» [4: 283]. Будучи покровителем «плавающих, путешествующих»⁴, Никола имеет прямое отношение к основной теме, выраженной в заглавии «Бег». Но возникает и мотив, сходный с повестью «Роковые яйца», – «нештатная» активность Николы Зимнего; характерна фраза в открывающей ремарке Сна второго: «Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз» [4: 300]. Он помогает красным взять Перекоп и захватить Крым. Выясняется, что (как говорится в булгаковском фельетоне «Москва краснокаменная») «на небе-то <...> за большевиков стоят» [3: 71], – соответственно, «Христово именитое воинство» [4: 310], каковым считали себя белые, обретает inferнальные коннотации.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. 6. М., 1995. С. 522.

³ См.: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 119–122.

⁴ Ср. посвящение повести «Записки на манжетах»: «Плавающим, путешествующим и страждущим писателям русским» [1: 409].

В приведенных примерах «несвоевременное» вмешательство Николы Зимнего в «летние» события выглядит гротеском; зато в «зимних» сюжетах булгаковских произведений он присутствует вполне закономерно. При этом важно отметить, что коннотации Николы как патернального верховного покровителя реализованы, в частности, в образах одноименных российских императоров. Одним из «знаков», посредством которых актуализируется связь между монархическим и мифологическим, является *водный* мотив, вводящий тему «потопа» или «утопления»; вода может выступать в разных агрегатных состояниях – как в виде собственно жидкости, так и в виде хаотично движущегося снега.

Общеизвестно значение «метельных» мотивов в романе «Белая гвардия», которому предпослан эпитафия из «Капитанской дочки», описывающий начало бурана [1: 32]; при этом у Пушкина движение в снежном хаосе уподоблено «плаванию судна по бурному морю»⁵. Показательно, что в «зачине» булгаковского романа (как в начале «Бега») возникает образ Николы: «О елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем!» – причем непосредственно за ним идет воспоминание об умершей матери [1: 33]. С одной стороны, это корреспондирует с линией Николки Турбина, которому в финале романа «предсказана» смерть [1: 347]. С другой стороны, атмосфере «метельного» хаоса соответствует недостоверность информации о Николае II, о котором Шервинский говорит

⁵ См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. М., 1995. С. 288.

как о здравствующем, хотя бывший император явно убит [1: 72–73]. Возникает гротескный образ Николая, парадоксально «балансирующего» между живым и мертвым, – в этой ситуации абсурдно звучит предлагаемый Николкой тост за здоровье императора; характерны также реплики Елены и Алексея: «Пусть! Пусть! Пусть даже убит, – надломленно и хрипло крикнула она. – Все равно. Я пью. Я пью. <...> Если император мертв, да здравствует император! – Турбин крикнул и поднял стакан» [1: 74].

Судя по произведениям Булгакова, из русских царей его больше всего привлекали именно два Николая да еще Иван Грозный (возможно, это обусловлено тем, что младшие братья писателя носили имена Николай и Иван). Аллюзий к остальным монархам мало: есть, например, либретто оперы «Петр Великий», однако оно было создано Булгаковым в соответствии с (нереализованным) замыслом Б.В. Асафьева. В «Белой гвардии» в квартире Турбиных отмечен ковер с Алексеем Михайловичем [1: 34], в квартире Василисы – статуэтка Александра II [1: 63], в гимназии висит портрет Александра I [1: 130–131]. Но тема Николая II здесь гораздо важнее, тем более что в подтексте она подкреплена «распутинскими» ассоциациями: например, имена полковника Най-Турса и его сестры – Феликс Феликсович и Ирина [1: 312] – отсылают к семье Юсуповых, сыгравшей немаловажную роль в судьбе последнего императора.

С юсуповским имением Архангельское, как считается, связан и сюжет раннего рассказа «Ханский огонь», в котором видим,

хотя и слабую, связь водных мотивов с «зимними» коннотациями образа Николая I. Здесь фигурирует портрет матери князя Тугай-Бега – «любовницы Николая Палкина» [1: 470]: «В *сыром тумане* славного и страшного города *на севере* была увита легендой потому, что первой любви удостоил ее уже на склоне своих дней тот самый белолосинный генерал, портрет которого висел в кабинете рядом с Александром I. Из рук его перешла в руки Тугай-Бега отца и родила последнего нынешнего князя. Вдовой оставшись, прославилась тем, что ее нагую на канате *купали в пруду* четыре красавца гайдука...» [1: 469].

Никольский подтекст существен в рассказе «Вьюга». В одной из наших работ дан подробный его анализ⁶, поэтому отметим лишь несколько основных мотивов. Водная тема реализована в открывающем рассказ «банном» эпизоде; герой, пребывавший в теплой воде, как в материнской утробе, «извлечен» оттуда посланцем-пожарным и вынужден отправиться в путь по зимней дороге, чтобы оказать помощь девушке-невесте, получившей в день свадьбы тяжелейшую травму головы. В пути Юный врач погружается в сон: «Меня начало качать, качало, качало... пока я не оказался в *Сандуновских банях* в Москве. И прямо в шубе, в раздевальне, и испарина покрыла меня. Затем загорелся факел, *напустили холоду*, я открыл глаза, увидел, что сияет кровавый шлем, подумал, что пожар... затем очнулся и понял, что меня

⁶ См.: Яблоков Е.А. Исцеляющий миф. Коды традиционной культуры во «врачебных» рассказах М.А. Булгакова. М., 2019. С. 134-192.

привезли. Я у порога *белого здания с колоннами, видимо, времен Николая Ъ* [2: 311]. «Банальный» мотив обретает коннотации второго рождения и плавания. Вместе с тем «онирическое» путешествие героя, застигнутого как бы в «эмбриональном» состоянии, оказывается движением в прошлое, в николаевскую эпоху. Характерно также, что отец девушки – агроном – не представлен в рассказе «воочию», но ассоциируется как с императором Николаем, так и с «одноименным» святым, причем в данном случае играет скорее роль «вредителя». Никола Зимний считался покровителем волков⁷ – на обратном пути Юного врача и возницу преследуют волки [2: 317–318], словно заколдованные участники несостоявшейся свадьбы, стремящиеся не дать герою покинуть мертвую невесту.

В зимнем антураже совершается и действие «Собачьего сердца» – показательно, что «спаситель» Шарика является из снежного хаоса⁸: «Господин уверенно пересек *в столбе метели* улицу и двинулся в подворотню» [2: 152]. Примечательно, что одним из основных прототипов Преображенского традиционно считается дядя Булгакова, врач *Николай* Михайлович Покровский. Внешность Преображенского вызывает не просто аристократические («с <...> усами седыми, пушистыми и лихими, как

⁷ См.: Белова О.В. Николай // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 тт. Т. 3. М., 2004. С. 400.

⁸ Кстати, в повести отмечен ряд реминисценций из поэмы А.А. Блока «Двенадцать», основное действие которой происходит метельным вечером (см.: Шаргородский С. Собачье сердце, или Чудовищная история // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 89).

у французских рыцарей» [2: 152]), но «монархические» ассоциации: «Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля» [2: 243]. Как видим, в образе булгаковского профессора сочетаются мифологические и «царские» черты. Что касается водной темы – мотив снежного хаоса дополняется эпизодом катастрофического «потопа», который Шариков устраивает в профессорской квартире [2: 223–225].

Под конец обратимся к двум булгаковским пьесам, в которых императоры «Николаи» являются сценическими персонажами – хотя и не центральными, но судьбоносными для главных героев: Николай I решает судьбу Александра Пушкина в одноименной драме, Николай II – Иосифа Джугашвили в пьесе «Багум». Там и здесь решения императоров угрожают героям смертью, и в обоих случаях (хотя в разных смыслах и разными «способами») герои «воскресают».

В драме «Александр Пушкин» видим явно «зимний» образ Николая I⁹. Император является в Третье отделение вьюжной ночью в момент, когда Дубельт читает вслух пушкинское стихотворение, приведенное в одном из доносов: «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя...» [6: 214], – кстати, эта строка является лейтмотивом пьесы, поддерживая в ней ту же семантику, что

⁹ Ср. впечатление от внешности Николая I, высказанное в романе А.И. Герцена «Былое и думы»: «Он был красив, но красота его обдавала холодом; <...> главное – глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза!» (*Герцен А.И.* Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 8. М., 1956. С. 62).

эпиграф из «Капитанской дочки» – в романе «Белая гвардия». Николай предстает олицетворением грозного хаоса, ополчившегося на Пушкина, – показательна в этом смысле беседа двух жандармских начальников. Получив императорскую «санкцию», Бенкендорф прозрачно намекает Дубельту, что дуэль не должна быть предотвращена: «Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...» [б: 217]. После его ухода Дубельт вновь цитирует пушкинские стихи, словно «призывая» снежную стихию: «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя... Не туда! Тебе хорошо говорить... Буря мглою небо кроет... Не туда...» [б: 218]. Тему снежного «потопа» в связи с императором дополняют водные мотивы. На балу у Воронцовой беседа Николая I с Пушкиной протекает в зимнем саду у *фонтана*, причем первая же (книжно-«красивая») реплика императора акцентирует это обстоятельство: «Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!» [б: 200]. Кроме того, в финале шпик Битков, рассказывая Смотрительше о дуэли, говорит про Пушкина: «Ну, и он прямо *на Речку*, а там уж его дожидаются» [б: 243]. Смотрительша, не знающая подробностей, вполне может решить, что покойник, которого теперь везут хоронить, был, например, утоплен. После этого Битков произносит: «Ой, буря! Самые лучшие стихи написал» [б, 243], – и вновь цитирует первые строки «Зимнего вечера». Поэт, являющийся «представителем» мировой стихии и потому «воплотивший» бурю в слове, выступает как бы ее повелителем – хотя «воде» (в жидком и твердом виде) удалось одержать над ним временную победу.

В пьесе «Батум» Николай II появляется в единственном эпизоде беседы с министром (того тоже зовут Николаем), принесшим на высочайшее утверждение приговор Иосифу Джугашвили. Характерно, что речь сразу же заходит о *купании*. Услышав о каком-то недомогании визитера, Николай говорит: «Я вам могу дать очень хороший совет, Николай Валерианович. У императрицы были точно такие же боли и совершенно прошли после одного купанья в Саровском прудике. Да я сам лично, искупавшись, получил полное физическое и душевное облегчение». Затем император обещает прислать министру и его супруге «пузыречек» воды из «прудика» [б: 313]. В итоге утверждается приговор Джугашвили – высылка на три года в Восточную Сибирь [б: 317]: два «Николая» (причем один из них – «Второй») отправляют героя в экстремально «зимние» условия. Однако тема «исцеления водой» получает развитие: пребывание в «ледяном аду» парадоксально приводит к избавлению от телесного недуга. В следующей (последней) картине пьесы вновь появившийся в Батуме Джугашвили рассказывает про свой побег из ссылки: «У меня совершенно здоровая грудь и кашель прекратился... <...> Я, понимаете, провалился в прорубь... там... но подтянулся и вылез... а там очень холодно, очень холодно... И я сейчас же обледенел... Там все далеко так, ну а тут повезло: прошел всего пять верст и увидел огонек... вошел и прямо лег на пол... а они сняли с меня все и тулупом покрыли... <...> заснул, проспал пятнадцать часов <...> И с тех пор ни разу не кашлянул. Какой-то граничащий с чудом случай...» [б: 321-322].

Не станем здесь вдаваться в интерпретацию финала пьесы «Батум», как и в анализ образа ее главного героя¹⁰. В данном случае нам важно было еще раз подтвердить, что образы высокопоставленных «Николаев» в булгаковском мире не только устойчиво связаны с мифологемой Николы Зимнего, но содержат «водные» коннотации, реализуемые в различных мотивных конфигурациях.

¹⁰ См., напр.: *Яблоков Е.А.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 354–357; *Яблоков Е.А.* «У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера» (Образ политика-оборотня в произведениях Михаила Булгакова) // Сборник Матице Српске за славистику. 2020. Кн. 98. С. 104–107.

Рецепция научного наследия С.В. Никольского

Впервые я посетил Россию двадцатилетним студентом в 1994 г. по приглашению Людмилы Норайровны Будаговой. Я побывал в Санкт-Петербурге, потом в Москве, где целый день мы посвятили Институту славяноведения Российской академии наук. Это не считая отдельного похода к бывшему зданию Института в историческом центре города. Помимо хорошо известного впечатляющего, украшенного скульптурами, сверкающего здания на площади Гагарина, из которого открывается прекрасный вид на город и где сейчас расположен Институт, я хорошо помню свое посещение местного ресторана Академии, украшенного фотографиями Праги. (Прошу простить за воспоминание о ресторане, но тогда я еще был растущим организмом.) Меня познакомили с сотрудниками нескольких отделов Института и рассказали о работе над этнологической энциклопедией. А еще был момент, который я хорошо помню по сей день: «Там, – сказала Людмила Норайровна, – за тем столом сидит профессор Никольский». Вероятно, все мы в жизни переживали подобные моменты удивления, когда легендарная личность предстает перед тобой во плоти. Фамилию Никольского я прекрасно знал даже в свои двадцать лет.

Это имя я часто слышал в своей семье, от родителей, совмещавших работу в филиале Литературного архива Памятника

национальной письменности в замке в деревне Старе-Грады и на «Шрамковой Соботке» (*Šrámkova Sobotka*), фестивале чешского языка, литературы и культуры. Это был тот самый человек, который в начале 1950-х гг., после установления в Чехословакии коммунистического режима с его догмами, снова сделал возможным изучение, издание и постановку произведений одного из наших величайших писателей – Карела Чапека. Пусть это было идеологически окрашено и отчасти в искаженной форме, но все же. В условиях связанного коммунистической диктатурой государства, входившего в сферу влияния Советского Союза, его мнение не могло остаться без внимания. Возвращение в 1953 г. Чапека на сцены чешских театров драмами «Мать» (*Matka*), «Белая болезнь» (*Bílá nemoc*) и «Разбойник» (*Loupežník*) оказалось очень заметным в масштабах всей страны¹. Обратный процесс можно было наблюдать в публикациях, вышедших после переворота 1948 г. в период 1949–1952 гг., когда цензура по своей силе была сравнима с цензурой времен нацистской оккупации в 1942–1945 гг.²

¹ Подробнее см. на сайте Института искусства: [Электронный ресурс] Institut umění – Divadelní ústav. URL: <https://vis.idu.cz/> (дата обращения: 22.05.2022). Ср.: Černý J. Osudy českého divadla po druhé světové válce. Praha, 2007. S. 367.

² См. количество опубликованных изданий в каталоге Национальной библиотеки ЧР: [Электронный ресурс] Národní knihovna Online katalog. URL: <https://aleph.nkp.cz/> (дата обращения: 22.05.2022).

В Москве сочинения Чапека были опубликованы под названием «Избранное» и «Английские письма. Рассказы» в 1950 и 1952 гг., и в выходных данных этих книг, вышедших в издательствах «Художественная литература» и «Иностранная литература», значилось имя С.В. Никольского. Об активном обращении к его обширному богемистическому наследию в чешском литературоведении можно судить, исходя из данных, представленных в фундаментальном всеобъемлющем труде по истории чешской литературы и культуры «Лексикон чешской литературы до 1945 г.»³. Словарь был задуман и создавался сотрудниками нынешнего Института чешской литературы АН ЧР с 1980-х по 2010-е гг. В него вошло 3500 статей-персоналий, статей об отдельных произведениях, журналах и т.п. Включение избранных трудов в «Лексикон» свидетельствует об их актуальности и в то же время увеличивает потенциал их дальнейшего использования исследователями литературы и культуры. Работы С.В. Никольского упоминаются в «Лексиконе» в семи персоналиях.

Прежде всего, конечно, в статье о Кареле Чапеке, где были указаны ссылки на монографии Никольского на чешском языке –

³ *Forst V., Opelík J., Merhaut L. a kol. Lexikon české literatury do roku 1945. Díly I–IV. Praha, 1985–2008: díl I – Karel Čapek (s. 381–386), František L. Čelakovský (s. 424–430), díl III/1 – Josef Menzel (s. 232–233), Vítězslav Nezval (s. 527–534), díl IV/1 – Ladislav Štoll (s. 775–779), Jiří Taufer (s. 851–856), díl IV/2 – Jiří Wolker (s. 1637–1648).*

Karel Čapek («Карел Чапек», 1952) и *Fantastika a satira v díle K. Čapka* («Фантастика и сатира в творчестве К. Чапека», 1978⁴), а также на русском языке – «Роман К. Чапека “Война с саламандрами”» (М., 1968). В дополнение были приведены еще два исследования: *Román oscilujících žánrových forem* («Роман колеблющихся жанровых форм», журнал *Impuls*, 1967) и *Román žánrové syntézy* («Роман жанрового синтеза», журнал *Česká literatura*, 1974). Научный интерес Никольского к чешской художественной литературе XIX в. отражается в словарной статье о Франтишке Ладиславе Челаковском такими работами, как *F.L. Čelakovský a ruská písňová lidová tvorba* («Ф.Л. Челаковский и русское песенное творчество», журнал *Praha-Moskva*, 1952) и *F.L. Čelakovský* («Ф.Л. Челаковский», журнал *Sovětská věda – Literatura*, 1952). Туда же попала и рецензия под названием *Sovětský příspěvek k poznání díla F.L. Čelakovského /práce S.V. Nikolského/* («Советский вклад в изучение творчества Ф.Л. Челаковского /работы С.В. Никольского/», журнал *Česká literatura*, 1955). Раздел книги Никольского *Dvě epochy české literatury* («Две эпохи чешской литературы», 1986⁵) упоминается в словарной статье о Витезславе Незвале.

⁴ Русский оригинал: *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик. М., 1973. – прим. ред.

⁵ Русский оригинал: *Никольский С.В.* Две эпохи чешской литературы. М., 1981. – прим. ред.

В статье «Ладислав Штолл» дается ссылка на перевод рецензии Никольского на его книгу «Тридцать лет борьбы за чешскую социалистическую поэзию» (журнал *Tvorba*, 1951; до этого – журнал «Славяне», 1951), а также на доклад ученого на конференции «Личность и творчество Л. Штолла» (журнал *Česká literatura*, 1982). Далее в соответствующей персоналии была приведена работа *O poezii Jiřího Tausera a literární vzájemnosti* («О поэзии Иржи Тауфера и литературной взаимности», журнал *Literární měsíčník*, 1981), написанная к юбилею поэта. Замечу, что было бы интересно более глубоко проанализировать деятельность обоих упомянутых одиозных представителей эпохи сталинизма 1950-х гг. и так называемой нормализации после оккупации Чехословакии в августе 1968 г., но это не является целью данной статьи. В словарной статье об Иржи Волькере мы находим ссылку на монографию Никольского *Myslenka a obraz ve Wolkerově poezii z let 1920-21* («Идея и образ в поэзии Волькера 1920-21 гг.», 1968), которая была переведена отцом известного кинорежиссера Йозефом Менцелем (о чем упомянуто в его собственной персоналии). Кроме того, в «Лексиконе» фигурирует работа *Mladistvé práce J. Wolkerera* («Творчество молодого И. Волькера», журнал *Praha-Moskva*, 1956), которая явилась переводом части труда «Иржи Волькер» (вышел в книге: «Ученые записки Института славяноведения», 1954), а также статьи *O jednom obrazném motívu v české poezii 20. let* («Об одном

образном мотиве в чешской поэзии 1920-х гг.», журнал *Česká literatura*, 1972) и *Prométeovské téma v české poezii* («Прометеевская тема в чешской поэзии», журнал *Literární měsíčník*, 1978). Упомянем еще, что Никольский был в числе тех, кто в 1974 г. к юбилею Волькера написал материал для издания *Literární měsíčník*.

Говоря о Волькере, я не могу не поделиться историей, которую мне когда-то поведала ученица Никольского Л.Н. Будагова. Произошла она, когда Людмила Норайровна еще писала дипломную работу о творчестве этого великого поэта. Бурные эмоции тогда уже замужней молодой женщины вылились в сновидение, в котором она сыграла свадьбу с поэтом и беседовала с ним по поводу вопросов его творчества, вызвавших расхождение во мнениях у нее и ее научного руководителя. «Никольский утверждал, что под Богом в сборнике “Гость на порог” (чеш. *Host do domu*) Волькер имеет в виду революцию. Я с этим не согласилась и решила спросить об этом у самого автора. “Иржи, – спрашиваю я во сне Волькера, – правда ли, что под Богом в “Госте на порог” ты понимаешь революцию?” “Нет”, – отвечает Волькер. Я ему говорю: “А Никольский сказал, что Бог у тебя – это революция”. “Кто такой Никольский?” – спрашивает Волькер, и это понятно, ведь он умер, когда Никольскому было два года. “Твой исследователь”, – отвечаю я ему вполне логично и... просыпаюсь»⁶. Л.Н. Будагова защитила свой университетский диплом в 1955 г.

⁶ *Budagovová L. Z mého života s českou literaturou. Sobotka, 2021. S. 10.*

Это воспоминание я процитировал из книги Л. Будаговой, изданной совсем недавно, в 2021 г., в Чехии под названием «Из моей жизни с чешской литературой», в которой мы найдем три фотографии с С.В. Никольским. Первая из них была сделана в Москве в конце 50-х гг. – на ней коллектив богемистов и славистов Института славяноведения. Вторую сняли там же в 1990 г. по случаю юбилея К. Чапека, а третья, сделанная на пражском Страгове, датируется осенью 1958 г., и на ней несколько московских богемистов и работников чешского академического литературоведческого института. Между некоторыми из них уже существовали или как раз начинали складываться прочные личные отношения длиною в жизнь. Несколько десятилетий спустя историк Дагмар Блюмлова из Южночешского университета в г. Ческе-Будеёвице и, вероятно, последняя из чешских коллег, сотрудничавших с Никольским, перевела его книгу «История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое» (М., 1997), которая вышла под чешским заголовком *V Haškových stopách za Josefem Švejkem* (2012).

В приглашении на наш круглый стол говорилось, что у С.В. Никольского более 500 публикаций⁷, из них лишь менее двадцати упоминаются авторами отдельных статей указанного

⁷ *Никольский С.В.* Сотрудники Института славяноведения РАН. М., 2012. С. 307–310.

современного лексикографического справочника по истории чешской литературы. Научные труды Никольского иллюстрируют широту его интересов, охватывающих два столетия. XIX в. представляет поэт и ученый Челаковский, о котором он писал уже в своей кандидатской диссертации. Однако, согласно библиографии, в его трудах все же доминирует современная литература прошлого века с превалированием творчества поэта И. Волькера и прозаика, драматурга, публициста К. Чапека. Последнему Никольский посвятил три монографии и докторскую диссертацию. Здесь я бы взял на себя смелость дать импульс новому исследованию и призвать своих коллег написать труд, всесторонне охватывающий эволюцию взглядов Никольского на творчество Чапека.

Когда упомянутый «Лексикон чешской литературы до 1945 г.» будет переведен в электронную версию и объединен с несколькими уже оцифрованными справочниками на единой платформе под названием «Словарь чешской литературы» (вследствие чего исчезнет заявленное в названии временное ограничение «после 1945 г.»), появится возможность актуализировать словарные статьи⁸. И я предполагаю, что число упоминаний работ

⁸ Пока имя Никольского появляется здесь лишь в статье о журнале «Чешская литература» (*Česká literatura*), где он состоял в редакционном совете. См.: [Электронный ресурс] Ústav pro českou literaturu Akademie věd České republiky, Slovník české literatury po roce 1945. URL: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/> (дата обращения: 22.05.2022).

Никольского в «Лексиконе» будет увеличиваться за счет включения новых исследований. Ведь, к примеру, персоналия о Чапеке была написана ещё в первой половине 1980-х гг., и с тех пор Никольский успел написать о нем две книги и несколько статей. Аналогично будет продвигаться и работа над другим крупным энциклопедическим изданием – «Биографическим словарем Чешских земель», являющимся долгосрочным проектом Института истории Академии наук Чешской Республики⁹. Он выходит с 2004 г., и здесь в персоналии, посвященной Ярославу Гашеку, также упоминается вышеуказанная книга Никольского о Гашеке в чешском переводе.

Имя Сергея Васильевича Никольского, в первую очередь, ассоциируется с Чапеком. Эта связь прочно вошла в сознание представителей уже нескольких поколений чехов, получивших гуманитарное образование, и сохраняется до сих пор¹⁰. Никольский известен как чапековед и тот самый человек, который помог писателю вернуться в чешскую литературную культуру в трудное время. В доказательство приведём слова другого писателя, Йозефа Шкворецкого. В 1983 г. он, находясь в эмиграции в Канаде,

⁹ [Электронный ресурс] Historický ústav Akademie věd České republiky, Biografický slovník Českých zemí. URL: <http://biography.hiu.cas.cz> (дата обращения: 22.05.2022); *Gilík E.* Našek, Jaroslav // Biografický slovník Českých zemí. 22. sešit Han–Hau. Praha, 2019. S. 283–285.

¹⁰ *Černý F.* Nikolskému S.V. k osmdesátinám // Zprávy Společnosti bratří Čapků. 2002. Č. 66. S. 3–4.

вспоминал тактику «протаскивания» писателей на страницы журнала *Světová literatura* во второй половине 50-х гг. и писал следующее: «Нас вдохновил метод Сергея Никольского, молодого советского докторанта, который своей диссертацией спас для чешской литературы буржуазного антикоммуниста Карела Чапека, представив его как гуманиста-антифашиста»¹¹.

Перевод с чешского К.К. Масловой

¹¹ *Škvorecký J.* Franz Kafka, jazz, protizidovská čítanka a jiné okrajové záležitosti // Mezi dvěma světy a jiné eseje. Praha, 2004. S. 168.

RUSSIAN BOHEMIAN STUDIES

YESTERDAY AND TODAY

Proceedings of the Round Table in Honor of the 100th
anniversary of Sergei Vasilyevich Nikolsky's birth
(March 29, 2022)

Ed. Peskova Anna Yu.

Contents

Gerchikova Irina A. <i>S. V. Nikolsky. Pages of Life</i>	7
Serapionova Elena P. <i>My Memories of Sergei Vasilyevich Nikolsky</i>	14
Kaliganov Igor I. <i>Leafing Through the "Book of Memory": A Page about Professor S. V. Nikolsky</i>	20
Smolyaninova Marina G. <i>Romanticism of S. V. Nikolsky</i>	29
Chepelevskaya Tatyana I. <i>Memories of the Teacher</i>	33
Blümlová Dagmar <i>S. V. Nikolsky in my Memory</i>	38
Zadorozhnyuk Ella G. <i>Works of S. V. Nikolsky about J. Hašek and Features of the Czech Mentality</i>	46
Pospíšil Ivo <i>A Few Remarks about the Russian Czech studies expert Sergei Nikolsky</i>	56

Kovtun Elena N. <i>Scientific Works of S.V. Nikolsky and Modern Domestic Science Fiction Studies</i>	63
Maslova Kseniya K. <i>Some Aspects of Commonality and Differences of Positions and Artistic Devices in Sci-Fi Dramas of K. Čapek and A.N. Tolstoy. In the Footsteps of S.V. Nikolsky</i>	71
Melnikov Georgy P. <i>"Czech Chronicle" of Wenceslaus Hájek of Libočany as a Literary Monument</i>	80
Amelina Anna V. <i>Russian Literature in the Czech Environment of the 1920s: Periodicals of the Left Political Wing ("Maják" Magazine)</i>	89
Shirokova Ludmila F. <i>Slovak Short Story of 1960s–1970s (View from the 2000s)</i>	97
Yablokov Evgeny A. <i>Nikolsky's discourse in the Work of M.A. Bulgakov: a Combination of a Monarchical and a Mythological</i>	105
Bílek Jan <i>Reception of the Scientific Heritage of S.V. Nikolsky</i>	115

Научное издание

РОССИЙСКАЯ БОГЕМИСТИКА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Материалы круглого стола
в честь 100-летия со дня рождения
Сергея Васильевича Никольского
(29 марта 2022 г.)

Ответственный редактор: А.Ю. Пескова
Оригинал-макет: А.В. Амелина

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты: inslav@inslav.ru

Подписано в печать 25 ноября 2022 г.
Формат 60×90 1/16
Печать цифровая
Объем 8 печ. л.
Электронная книга